

ЗАКЛИНАТЕЛЬ ЗМЕЙ

Annotation

Сборник сказок эстонских писателей.

- [Заклинатель змей и другие эстонские сказки](#)
  - [I](#)
    - [Юхан Кундер \(1852-1888\)](#)
    - [Аугуст Якобсон \(1904-1963\)](#)
    - [Маттиас Йоганн Эйзен \(1857-1934\)](#)
  - [II](#)
    - [Юхан Кундер \(1852-1888\)](#)
    - [Маттиас Йоганн Эйзен](#)
    - [Юри Парийыги \(1892-1941\)](#)
    - [Юри Парийыги](#)
    - [Яан Вахтра \(1882-1947\)](#)
    - [Юхан Кундер](#)
    - [Фридрих Рейнгольд Крейцвальд \(1803-1882\)](#)
    - [Аугуст Якобсон](#)
  - [III](#)
    - [Ансомарди \(1866-1915\)](#)
    - [Аугуст Якобсон](#)
    - [Аугуст Якобсон](#)
    - [Якоб Кырв \(1848-1916\)](#)
  - [IV](#)
    - [Аугуст Якобсон](#)
    - [Маттиас Йоганн Эйзен](#)
    - [Юхан Кундер](#)
    - [Фридрих Рейнгольд Крейцвальд](#)
    - [Аугуст Якобсон](#)
    - [Фридрих Роберт Фельман](#)

- [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
-

Заклинатель змей и другие эстонские сказки

ЗАКЛИНАТЕЛЬ ЗМЕЙ

И

ДРУГИЕ ЭСТОНСКИЕ СКАЗКИ

Составитель Андрес Яаксоо
Иллюстрации Виве Толли

ТАЛЛИН
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭЭСТИ РААМАТ»
1980

Чудесные то были вечера, когда отец рассказывал нам старинные сказки, брал нас на руки, сажал на колени, играл нам на рожке, подбрасывал в воздух, возился с нами — чудесные!

Всякие истории рассказывал нам отец — и о чудесах, и о случаях из жизни, о волках и медведях, о лисах и мудрых птицах, о добром и злом брате, о пилах, которые сами пилят, и о топорах, которые сами рубят, о ветрах и бурях и о многом-многом другом.

Затаив дыхание, слушали мы с братом эти чудесные истории, удивлялись мудрости людей и зверей и спрашивали отца:

— А как же разговаривали звери, ведь они не умеют говорить?

Отец шутливо отвечал:

— В старину все было иначе. В старину и камни были мягкими, и птицы умели разговаривать, и вода горела...

И тут начинались истории!

Эрнст Петерсон Сяргава

Юхан Кундер (1852-1888)

Как черт волка сотворил

Когда Старик-бог сотворил мир и всех зверей, спросил он у черта:

— Как ты думаешь, черт, хорошо ли я поработал? Может, чего не хватает — нужного растения или полезного животного? Или, может быть, горы недостаточно высоки и озера недостаточно глубоки?

Очень понравилось черту, что бог с ним советуется. Набрался он храбрости и говорит:

— Хулить твою работу я, конечно, не могу, но, на мой взгляд, не мешает создать еще одного зверя.

— Какого же зверя? — с удивлением спросил бог.

— Ну, такого, — ответил черт, — который бы мог лес защитить, чтобы озорные пастушки кору с деревьев не обдирали и веток не ломали и чтобы зайцы и козы молодые побеги не грызли.

— Так разве ж я не поселил в лесу медведя и змею? — спросил Старик-бог.

— Поселил, — ответил старый черт, — но только, как наступит зима, эти сторожа спать завалятся, и станет лес беззащитным, словно сиротка.

Захотелось старому черту самому такого зверя создать, который бы стал слабых божьих тварей уничтожать и повсюду зло творить.

— Какого же зверя, по-твоему, не хватает? — спросил бог.

— Я бы сам хотел создать этого зверя, если ты не возражаешь, — попросил старый черт.

— Ладно, я не возражаю, — сказал Старик-бог.

— Об одном только я тебя попрошу, я сам не в силах вдохнуть жизнь в моего зверя. Если пообещаешь мне

сделать это, увидишь, что мой зверь будет нисколько не хуже твоих.

— Выполню и это твое желание. Как закончишь своего зверя, приделаешь ему рот и глаза куда следует, скажешь: «Встань и съешь старого черта!»

— Гм, гм, съесть-то всегда успеется! — пробормотал черт и исчез в лесной чаще. Набрал он камней, прутьев, веток и мха. Принес из деревенской кузницы два тлеющих угля и пригоршню гвоздей.

Ночью принялся за работу.

Позвоночник сделал из толстого кола, голову из большого пня, заднюю часть из кирпичей, переднюю — из веток и прутьев, хвост из папоротника, а ноги из стволов ольхи. Вместо сердца положил камень. Покрыл туловище мхом, глаза сделал из раскаленных углей, а когти и зубы из гвоздей.

Когда зверь был готов, обрадовался черт и назвал его волком.

Но в волка надо было еще вдохнуть жизнь.

Вспомнил тут черт, что ему Старик-бог сказал, и произнес:

— Вставай, волк, и съешь...

Волк поднял голову и облизнулся.

Старый черт так перепугался, что больше не мог вымолвить ни слова.

Тут пришло ему на ум злое дело совершить, и он быстро воскликнул:

— Вставай, волк, съешь Старика-бога!

Но волк даже кончиком хвоста не пошевелил.

Сколько ни повторял старый черт эти слова, волк как будто и не слышал его. Пошел тогда черт снова к богу и говорит:

— Неправильные это слова! Не встает волк.

— А так ли ты сказал: вставай, волк, съешь старого черта?!

Ничего не ответил старый черт и пошел обратно. Крикнул он еще раз: «Вставай, волк, съешь Старика-бога». Но не тут-то было. Тогда отошел он от волка подальше и снова крикнул: «Вставай, волк!» И совсем тихонько добавил: «Съешь старого черта!»

Как вскочит тут волк! Как кинется, точно ветер, за старым чертом, вмиг бы загрыз его, да только тот успел под большой камень спрятаться.

С тех пор стал волк самым заклятым врагом черта, все ходит да высматривает, как бы напугать его. Позвоночник у волка крепкий, как кол в заборе, зубы и когти острые, как гвозди, глаза сверкают, как угли, и весь он покрыт густой шерстью. И сердце у него твердое, как камень, когда он безвинных ягнят таскает и загрызает. Если кинуть в него камнем, он разозлится. А случится, что пастушонок огреет его хворостиной, так ему стыдно становится, что он три года к этому стаду и близко не подходит.

Если осенью тебе случится увидеть на опушке леса его горящие глаза, то знай — это он старого черта подстерегает.

Аугуст Якобсон (1904-1963)

Откуда взялись мыши и кошки

Давным-давно жил на свете очень работающий и старательный хозяин, но был у него один недостаток: он то и дело чертыхался.

Однажды, возвращаясь из города, работающий и старательный хозяин решил немного отдохнуть и выпить в трактире рюмочку вина. Тем временем его лошадь, стоявшая в ожидании хозяина у коновязи близ трактирной двери, потоптала копытами упавшие наземь вожжи. Работающий и старательный хозяин рассердился на лошадь и заорал:

— Вожжи в навоз втапывать! Чтобы тебя черт побрал, безмозглую скотину!

Потом он поднял с земли и расправил запутавшиеся вожжи и поехал домой.

Дорога к дому работающего и старательного хозяина вела лесом. Как только он миновал опушку и выехал на свой деревенский выгон, перед ним, откуда ни возьмись, появился чернявый старикашка, вежливо поздоровался и сказал:

— Золотой ты человек, братец! Нет-нет да и вспомнишь обо мне. Видишь, а я — легок на помине — и явился за своей лошадкой. Тебе она, выходит, и впрямь не очень нужна, а мне, бедняку, еще как пригодится, чтобы перевозить грешные души.

— Как это за своей лошадкой? За какой еще лошадкой? — удивился работающий и старательный хозяин.

— За той за самой, что впряжена в твою телегу. Ты же сам у трактира говорил: «Чтобы тебя черт побрал, безмозглую скотину», — любезно объяснил старичок.

— Но ведь ты же все-таки не..? — испугался работающий и старательный хозяин.

— Тсс-тсс, не произноси этого вслух! Я, я, вот именно, я сам и есть! — сказал незнакомец и захихикал.

Работающий и старательный хозяин похолодел от ужаса, но взял себя в руки и сказал, пытаясь улыбнуться:

— Иди ты! Это же я просто так, к слову сказал, не мог же я всерьез кому-то пообещать свою верную сивку-бурку!

Незнакомец покачал головой.

— Врешь, брат! — сказал он. — Когда настоящий мужчина что-нибудь обещает, то он свое слово держит. Только один гордец, что живет там, наверху, на небе, только он один считает, что может дать слово, а потом его нарушить. А кто мы такие, чтобы бросать слова на ветер? Нет, братец, мы маленькие, простые труженики — только и всего, нам приходится всегда оставаться честными! Ну-ка, давай, давай, вылезай из телеги! Ее ты мне не обещал отдать, так что вези ее себе к дому. Чужого мне не надо, но и своего отдавать не собираюсь.

Работающий и старательный хозяин взмолился жалобным голосом:

— Прости меня, дорогой чертушка, я больше никогда не буду бросать слова на ветер! Ты ведь всезнающий мужик, все видишь и слышишь, скажи-ка мне, будь добр, как я смогу обходиться без своей лошаденки, как прокормлю свое семейство, как заработаю детишкам на одежду и обувь?

— Как да как! А мне что за дело? По мне, запрягай в соху хоть теленка, вози сено и хворост хоть на собаках! Я заберу свое, а ты попробуй-ка обойтись без чужого имущества! — отмахнулся черт.

— Смилуйся, не губи ты меня! Проси что хочешь, только оставь мне лошадку!

Незнакомец навострил уши. Ему, как видно, нравилось, что его так упрашивают. Он задумался, почесывая бороду, и наконец сказал:

— Н-даа, это, конечно, верно, что тебе без лошаденки не сладко придется... — и добавил гораздо приветливее: — Ладно, братец! Не стану я забирать твою лошадь, но только при одном условии. И запомни: если ты это условие не выполнишь, я тут же явлюсь и потребую возвратить мне долг. Ну, согласен?

— Согласен. Скажи только, что это за условие? — спросил хозяин.

— Мое условие такое: чтобы ты дважды досыта накормил десяток моих родственников, которых я к тебе пошлю, — сказал черт.

У работающего и старательного хозяина был довольно богатый хутор, и он обрадовался, подумав:

«Накормить досыта всего двадцать родственников? Ну, с этим-то мы справимся, еще как справимся!»

Так они и порешили, что, мол, старый черт пришлет своих родственников в гости к хозяину сегодня же вечером.

Но когда работающий и старательный хозяин приехал домой, настроение у него испортилось. Он вспомнил разговоры о том, что у жителей преисподней слишком уж хороший аппетит и каждый из них может зараз проглотить целый горшок щей. Что же тогда, братец, останется от твоего жалкого достатка, если такие едоки вдруг нагрянут к тебе в гости, да еще целых двадцать душ!

Работающий и старательный хозяин совсем опечалился и думал свою тяжкую думу, когда вдруг за его спиной тихонько скрипнула дверь и вошел старый нищий в рваной одежде. Вошел, усмехнулся в бороду и сказал:

— Здорово, здорово, хозяин. Что-то ты не весел, и лицо у тебя сердитое? Я пришел в надежде, что

покормишь меня досыта горячим супом и дашь мне в дорогу краюху хлеба, а ты, видать, такой сердитый, что и просить не стоит.

— Хозяйка, накрой гостю на стол! — крикнул хозяин.

Хлебая из большой миски густые щи, оборванный нищий вновь принялся приставать:

— Ну, давай выкладывай, ничего не утаивай, может, как-нибудь удастся тебе помочь.

Работящий и старательный хозяин поведал гостю о своей беде. Когда он закончил свой рассказ, нищий оборванец вытер рукавом рот, усмехнулся и сказал:

— Ох, не горюй, дела совсем не так плохи! Князь преисподней мой старый враг, а я сам — громовержец, так что моя власть больше. Подождем, пока его слуги сюда пожалуют, тогда посмотрим, что с ними делать.

Немного погодя дверь с треском распахнулась, и десять громадных великанов с шумом и гамом ворвались в комнату. Ворвались с шумом и гамом в комнату, уселись за стол, застучали по столу кулаками и наперебой закричали:

— Тащи сюда зерно! Тащи рожь, тащи пшеницу, тащи ячмень, тащи овес!

А нищий оборванец сидел в углу и посмеивался.

— Ах, так вы и есть те самые пожиратели зерна, что были до сих пор невидимками? Ладно, ладно, дело ясное. Но отныне будьте видимы, как все другие существа, будьте юркими и маленькими, чтобы могли повсюду пролезть. И называйтесь отныне мышами!

И тут же десять огромных великанов превратились в крошечных, юрких и пискливых мышей, которым хватило принесенной хозяином горсти зерна.

Прошло еще немного времени, как, чуть не сорвав дверь с петель, в дом ворвались десять еще более громадных великанов, расселись вокруг стола, застучали кулаками по столу и закричали:

— Мясa, мясa! Тащи мясo нa стoл, хoзяин! Тащи корoв, тащи бaрaнoв, тащи тeлят, тащи свиней! Пoживeе, пoживeе, хoзяин! Живo тащи мясo нa стoл!

Нищий оборванец, по-прежнему усмехаясь, сказал из своего угла:

— Ах, так вы и есть невидимые пожиратели живности! Ладно, ладно, дело ясное, только отныне вы

будете видимы и станете достаточно маленькими. И отныне будете называться кошками, а лакомством для вас раз и навсегда будет вот эта живность!

И, сказав это, оборванец указал превратившимся в кошек слугам черта на мышей, которые тут же разбежались по углам.

Так появились на свете первые мыши и первые кошки. И те и другие произошли из чертова племени, но теперь ни те, ни другие не помнят об этом.

Мыши боятся кошек, как своих самых лютых врагов, а кошки ловят и съедают каждую мышь, которая им попадается.

А черт так и не явился, чтобы забрать лошадь работающего и старательного хозяина, а работающий и старательный хозяин больше никогда не предлагал ему свою верную лошадку.

Маттиас Йоганн Эйзен (1857-1934)

Кукушка

Жили-были на одном хуторе две девочки: хозяйская дочь и падчерица. Хозяин любил обеих дочерей одинаково, а хозяйка только свою дочь. Падчерицу она всей душой ненавидела.

Падчерица была пригожая, словно купальница на пригорке, тихая как голубка, добрая как ангел, хозяйская же дочь уродливая как сова, злая как собака, ленивая и сонная как медведь в зимней берлоге.

Всю самую тяжелую работу хозяйка заставляла делать падчерицу. Она была бы рада-радехонька, если б тяжелая работа сгубила падчерицу. Та же все безропотно выполняла и умела уберечься от любой беды.

Свою дочь хозяйка тоже иногда, для отвода глаз, посылала работать. Боялась, чтоб в деревне не стали ее презирать — как это хозяйка свою дочь никуда не посылает. И хоть хозяйская дочь ходила на работу, однако ничего не делала.

Как-то раз послала хозяйка обеих дочерей к колодцу за водой. Своей дочери дала коромысло и ведра, а падчерице — решето. И велела девочкам быстро воды натаскать.

Отправились девочки к колодцу. Одна наливает воду в ведра, другая в решето.

Стала падчерица сетовать: «Как же я воду в решете принесу?»

Ничего не поделаешь, надо постараться. Поспешила падчерица с решетом к дому. Ну и чудо: вода в решете не проливается, словно ее морозом сковало. Подходит падчерица к хозяйке, а решето до краев наполнено водой.

У хозяйской же дочери вода из ведер кап да кап. Пришла она домой, а ведрах пусто.

Разозлилась хозяйка. Однако делать нечего. Ведь не поколотишь падчерицу, раз наказ выполнен.

Стала хозяйка искать дочке и падчерице новую работу. Говорит им:

— Идите на речку белье стирать!

Своей дочери дала чистые полотенца, а падчерице рубашки, в которых зерно молотили, да мешки из-под зерна. Сама думает: на этот раз смогу как следует

падчерицу отругать, ей вовек рубахи и мешки дочиста не отстирать.

Принялись девочки за работу. Стирают, стирают. И вот чудо: полотенца, что хозяйская дочь стирает, становятся все грязнее и грязнее, а у падчерицы мешки и рубахи как снег белы.

Глянула хозяйка — и впрямь мешки и рубахи у падчерицы как снег белы. Ничего плохого о ее работе не скажешь. Такое зло разобрало тут хозяйку, идет она и думает, какую бы такую еще работу им подсунуть, чтобы злобу на падчерице сорвать.

Послала хозяйка девочек в огород грядки полоть. Не буду, думает, объяснять им, как это делается. Своя дочь умная, сама знает. А ежели падчерица что не так сделает, тем лучше — можно будет как следует ей задать.

Через некоторое время отправилась хозяйка взглянуть, как дочка с падчерицей работают. Ну и разозлилась, как увидела: падчерица все сорняки вырвала и овощи расти оставила, а своя дочь все овощи вырвала, один чертополох оставила.

Ничего не попишешь. Что сделано, то сделано. Свое дитя, какой с него спрос.

Падчерица своей красотой, румяным лицом и добрым нравом женихов к себе приманивает — они к ней со всех сторон как пчелы на мед слетаются. Что ни четверг, то новые женихи. Падчерица же никого видеть не хочет, слишком, дескать, еще молода, чтобы замуж идти. Уж как ни отпугивала хозяйка женихов, как ни чернила падчерицу, все впустую, женихи хоть сейчас рады-радешеньки падчерицу с собой увести.

Стала хозяйка женихам свою дочь в жены предлагать. Смеются женихи, кому она нужна. «Что нам с такой злюкой делать, — говорят. — Пусть себе у плетня или у стены плесневеет».

Решила тут хозяйка: надо бы красоту падчерицы извести. Тогда поглядим, станут ли еще женихи сюда табунами ходить.

А как красоту падчерицы извести? И придумала хозяйка ей самую тяжелую работу дать, чтобы иссушила и изнурила ее. Пусть мелет зерно на ручном жернове!

День и ночь вертит падчерица жернов, а хозяйская дочь знай себе зерно в него сыплет. Как стемнеет, хозяйская дочь спать идет, а падчерица одна продолжает молоть.

Как-то вечером принесла хозяйка падчерице еще три кадушки зерна и говорит: «Чтоб к утру все было смелено!»

Помертвела от страха падчерица: как с такой большой работой управиться! Ничего не поделаешь. Стала молоть, мелет, мелет. Вскоре чувствует — силы на исходе, усталость одолела. Думает — присяду я и отдохну малость.

Только присела, как подкрался сон и смежил ей веки.

Вдруг просыпается она и понимает, что спала. И такой страх на нее напал: как теперь поспеть к утру все зерно смолоть? А еще пуще перепугалась падчерица, когда увидела, что стоит перед ней седой старичок и смотрит на нее.

Принялся седой старичок утешать девушку:

— Не бойся, деточка! Зерна, правда, много, но ничего, к утру справишься! Увидел, что ты в беде, и пришел помочь. Вот тебе золотое яичко, спрячь его в карман и всегда носи с собой, тогда с любой работой легко справишься!

Сунул седой старичок золотое яичко падчерице в руку. И только она собралась поблагодарить его, как старичка и след простыл.

Подумала девушка поначалу, что ей сон такой привиделся. А как взглянула на свою ладонь — видит, золотое яичко лежит. Сунула она золотое яичко в карман и принялась зерно молоть. Ну и чудеса! Словно и не жернов это вовсе, а машина, которая сама мелет. Девушке никаких усилий делать не надо. Куча зерна уменьшается, а мука на глазах прибывает. Вмиг все зерно было перемелено. Видит падчерица, что работа сделана, и со спокойной душой ложится отдохнуть. И так сладко ей спится, как давно уже не спалось.

Наутро приходит хозяйка, а падчерица-то спит. Расшумелась тут хозяйка и стала ее будить: «Ах ты лентяйка, дрыхнешь здесь, а работа не сделана!»

Падчерица с удивлением посмотрела на мачеху. И тут только хозяйка увидела: вся работа сделана, мука смелена. Никак понять не может, как это девушка за одну ночь с такой работой управилась. Ни слова не сказала она, ушла и злобу в душе затаила.

Стала тогда хозяйка падчерицу голодом морить. Сама думает: чем меньше падчерица есть будет, тем скорее красота ее увянет. Но не тут-то было: хоть получает падчерица лишь хлеб и воду, да и хлеба-то в день самую малость, однако все красивее и красивее становится. Зато хозяйская дочь каждый день свинину, масло и яйца ест, а все безобразнее и безобразнее делается. Никто на нее уже и смотреть не хочет. Каждый, как на пути ее завидит, старается стороной обойти.

В конце концов приходит хозяйке на ум хорошая мысль, как от падчерицы избавиться. Кладет она в сундук две краюхи хлеба с маслом и говорит дочерям:

— Положила я вам хлеб в сундук. Идите и возьмите его.

Пошли девушки в амбар хлеб из сундука брать, а хозяйка за ними следом.

Хозяйская дочь первой к сундуку подходит и хватает себе кусок хлеба побольше. Затем черед падчерицы настает. Открывает она крышку сундука и наклоняется, чтобы хлеб со дна взять.

Вмиг хозяйка у нее за спиной. Раз! — толкнула падчерицу в сундук, захлопнула крышку и на крышку замок повесила.

«Пусть теперь в сундуке свой хлеб ест». Засмеялась хозяйка и пошла со своей дочерью в дом, а падчерицу в сундуке оставила.

Отец падчерицы в это время поле пахал. Приходит он вечером домой и спрашивает:

— Где моя дочь?

Жена отвечает:

— Не знаю, где ее носит! Чего о пустом спрашиваешь, иди поешь лучше.

Собирает хозяйка на стол, а хозяину кусок в горло не лезет. Тяжесть ему сердце сдавливает. Сам не знает, что его мучает, то ли, что дочь из дому ушла, то ли еще что-то. Не дотронулся хозяин до еды, пошел дочь искать. Давно ему ведомо, что жена дочку его травит. Предчувствие говорит ему, что хозяйка что-то плохое с падчерицей сделала.

Под конец заглядывает хозяин в сундук. Но и в сундуке дочери нет. А лежит там неоперившийся птенец. Оставляет хозяин птенца в сундуке, идет дальше искать. Нигде дочери нет.

Понимает хозяин, что не обошлось тут без хозяйки. На второй день снова принимается искать дочь — все напрасно. В горе решает он еще раз в сундук заглянуть. И видит — в сундуке уже оперившийся птенец, но бездыханный.

Не дает птенец в сундуке хозяину покоя. На третий день снова приходит он на птенца поглядеть. Открывает крышку. Вот тебе и на! Из сундука вылетает серая птичка, садится на жердь и начинает куковать:

Ку-ку, ку-ку, мой батюшка!
Котел золота моему батюшке,
Жернов моей матушке,
Ястребиные когти моей сестрице!
Ку-ку! Ку-ку!

Слышит мачеха, что кукушка кукует. Схватила ухват и стала за ней гоняться. Кукушка к открытой крышке сундука подлетает. Мачеха с ухватом следом. Да на бегу споткнулась о ручной жернов. Жернов упал на нее и придавил.

Стала хозяйка на помощь звать. Прибежал хозяин. Силится помочь ей, а не может: по колени в пол проваливается. А жернов хозяйку все глубже и глубже в землю вдавливают, пока, в конце концов, ей могильным камнем не становится.

Завидя, что мать под землю уходит, дочь спешит к ней на помощь. Но едва лишь она к жернову притрагивается, как тут же превращается в ястреба. Взлетает ястреб на печь и следит оттуда, как хозяйка под землей исчезает. Затем — раз! — и вылетает из дверей в лес маленьких птичек преследовать. При виде ястреба маленькие птички поднимают страшный крик. Оповещают всех, что злой ястреб летит. Кричат, чтоб остерегались его. Коль девчонка была злой, то и ястреб не добрее.

Следом за ястребом летит в лес и падчерица — в запертом сундуке превратилась она в кукушку. Как падчерица была бездомной, так и у кукушки нет своего дома. Летает она туда-сюда, а своего гнезда нигде нет. Кого грусть одолела — тем она поет о весне, хорошим предвещает счастье, злым — наказание, терпеливым — долгую жизнь.

С тяжелым сердцем отправился хозяин поле пахать. Пашет, пашет. Вдруг соха его о что-то твердое

ударяется. Глядит — медный котел, полный золота!

Выкопал хозяин котел из земли и отнес домой. Враз богатым сделался. Стал себе жить-поживать, радуется, что от злой жены и злой падчерицы избавился, и слезы льет, что любимую дочь потерял.

Кукушка же каждое утро прилетает, садится на столб у ворот и здоровается с хозяином, а потом весь день из ближайшего леса приветы ему посылает.

В старину, как у нас, так и повсюду люди верили в колдовство. Не всякий человек мог общаться с духами и постигать тайны их мира. Старики верили, что все вокруг кишит ими, в горах и на болотах, в дремучих лесах и на равнинах, в реках, озерах и морях, на хуторах и дорогах — повсюду человек встречается с духами. Они подстерегают его везде и все их старания направлены на то, чтобы причинить людям зло.

Задача мудреца — быть посредником между человеком и царством духов. По его желанию дуют ветры, собираются тучи, идут дожди, прорастает зерно; он может заставить отступить болезни, возвращает здоровье, утоляет боль, отгоняет от людей злых духов, достает из недр земли сокровища.

Ведьма же для народа — сущее наказание: она приносит болезни и недуги, убивает людей и скот, напускает на коров жаб, чтобы те высосали из вымени молоко, не дает прорасти всходам ржи, насылает ворон на посевы льна, иссушает источники, гонит волков резать скот, превращает людей в оборотней и разных животных, в деревья, камни, вызывает ураган, шторм на море и прочие беды.

Тех, кто превращается в вихрь, обычно считают ведьмами. Собираясь в путь, ведьма ложится где-нибудь, засыпает себя землей, только рот оставляет открытым, чтобы дух ее мог вылететь. Из рта у нее вылетает пернатое существо и вскоре превращается в вихрь. Многие утверждают, что в вихрь превращаются женщины, чтобы заполучить себе добычу. То они крадут зерно с поля, то копны и стога, то белье, развешанное сушиться.

Если найдут бездыханное тело того, кто в вихрь превратился, и перевернут его, душа не войдет в тело, пока его снова не перевернут в бывшее положение.

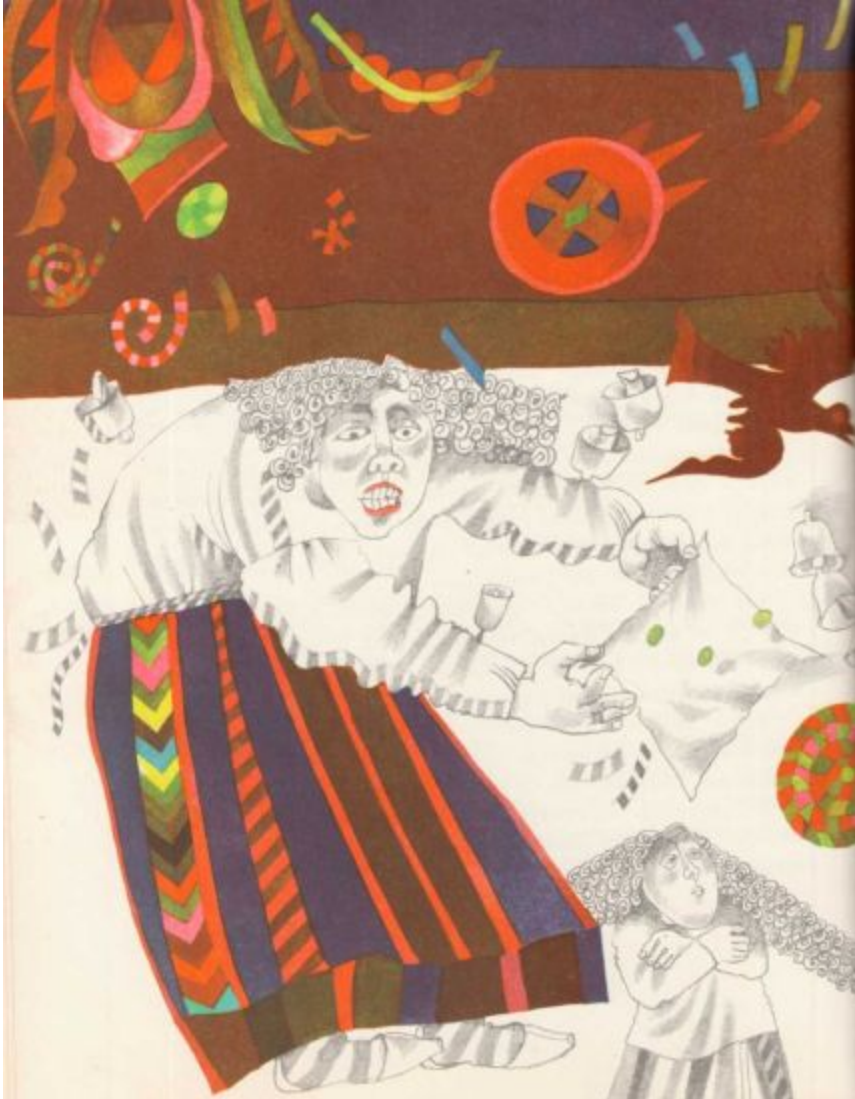
По мнению народа, ведьмы вызывают и северное сияние. Ведьмы превращаются сами, а могут превратить и людей в волков. И тогда их называют оборотнями. Ведьмы, которые становятся оборотнями, часто пользуются волчьей шкурой, чтобы совершить задуманное. Берут волчью шкуру, надевают ее на себя — и оборотень готов.

Ведьмы могут и без помощи волчьих шкур становиться оборотнями. Для этого надо трижды обойти вокруг камня, трижды перекувырнуться в песчаной яме либо намазаться волшебной мазью. Все это должно сопровождаться заклинаниями.

На первый взгляд, оборотень несколько не отличается от волка. Разве только белая отметина на его шее. Появляется эта белая отметина от броши или какого-нибудь другого украшения.

Если ведьма становится оборотнем всего на несколько часов, то остальных она превращает в волков навсегда. Обычно только хлеб может избавить человека от колдовства. Случится, что оборотню дадут хлеба, так он тут же освобождается из-под власти чар и превращается в человека.

Маттиас Йоганн Эйзен

Юхан Кундер (1852-1888)

Подпечник

Барин велел повару наготовить вкусной еды.

Поставил повар большой котел, положил в него много баранины. Сам сидит, огонь раздувает.

Вдруг из-под пола, из-под печки вылезает гном и просит:

— Голубчик, дай баранинки! Отощал от голода.

— Не могу, — говорит повар, — у нас у самих едоков много.

— Тогда хоть подливочки дай! — говорит гном.

— Подливки, так и быть, возьми! — говорит повар и зачерпнул гному поварешку подливки.

Взял гном поварешку в руки, и не успел повар оглянуться, как маленький обжора в один миг опустошил весь котел и скрылся.

Испугался повар не на шутку, пошел барину жаловаться, про гнома рассказывать. Барин не поверил, но повар душой и телом поклялся, что ни словечка не выдумал. Тогда барин нахмурился и велел снова положить в котел баранины.

— А если, — говорит, — этот гном явится, дай ему поварешкой по лбу.

Положил повар баранины, сидит, огонь раздувает.

Вдруг опять из-под пола, из-под печки является гном и просит подливки.

— Не могу, — сказал повар. — Не велено. Велено тебя поварешкой по лбу стукнуть.

— Не бей меня, голубчик, — попросил гном. — Пожалей нас с женой. Она у меня заболела. Некому теперь обед приготовить, воды принести. Налей мне в этот мешочек подливки — видишь, какой он маленький? Я жене отнесу, пусть поправляется.

Поверил ему повар. Решил, что второй раз не обманет — есть же у него совесть. Да и стыдно отказать в такой капле: мешочек-то крохотный был. И дал гному поварешку. Дескать, много ли надо его больной жене.

И вот чудеса — мигом вся баранина из котла исчезла в крохотном мешочке, и гном пропал.

Вот горе-то!

Пошел повар весь в слезах к барину. Ох и рассердился же барин, из себя вышел. Велел снова

положить в котел баранины, но сказал, что в третий раз такого не простит — выгонит.

— Прихлопни, — говорит, — на месте этого жулика, если он опять сунется.

Снова поставил повар котел, а гном опять заявляется.

Схватил повар поварешку и закричал:

— Уходи! Мне тебя на месте велено прихлопнуть!

— Не убивай меня, голубчик! Ты и сам можешь в нужде оказаться. Тогда сразу обо мне вспомни. Жена моя умерла, бедная, а ребеночек голодный: некому нас накормить. Дай хоть полповарешки подливки для моего детеныша.

Повар был большой добряк. Жалко ему стало гнома детеныша. «Много ли, — думает, — съест такой малыш?»

И протянул гному поварешку.

Но котел и на этот раз мигом опустел, а гном пропал.

Бедному повару только и оставалось, что идти за расчетом.

— Гном опять все украл, — говорит он барину, а у самого голос дрожит.

— Пошел прочь, негодяй! — завопил барин. — Чтобы завтра же утром ты вымелся со всеми своими пожитками! Не будь ты таким хорошим поваром, я бы тебя и до утра не оставил!

И зовет управляющего.

— Приготовь, — говорит, — жаркое! А если гном сунется, прихлопни его тут же!

— Ладно, — говорит управляющий, — не беспокойтесь, ваша милость!

И пошел ставить котел.

Гном опять, конечно, вылезает и подливки просит. А управляющий только того и ждал.

— Подливки, — заорал, — мошенник!

И хватить его поварешкой по лбу. Бедный гном так и покотился под печку.

Спас управляющий жаркое, подает барину.

— Я, — говорит, — этому плуту всыпал! Уж больше не сунется...

А повар собрал утром свои вещички, взвалил узел на спину, пошел прочь.

И тут гном из-под пола, из-под печки выскакивает. Вся голова полотенцем обвязана.

— Эй, — говорит, — приятель! Ты что ж прощаться не хочешь? Ведь я тебе припас кое-что на дорожку. Зайди ко мне в дом.

Полез повар под печку. Как влез, сам не знает, но все же сумел. Влез, а там такие палаты — не хуже господских. И всяких диковин полно.

Прошли они все покои, пришли в каморку. Берет гном с полки коробочку и говорит:

— Вот, милый, это тебе в награду за твою доброту. Случись у тебя какая недостача, постучи пальцем об эту коробочку и скажи, что тебе нужно. Все будет мигом!

Взял повар коробочку, сказал гному спасибо, полез обратно на кухню. А там как раз управляющий.

Берет повар коробочку, стучит по ней пальцем и говорит:

— А ну-ка, милая, собери мне еды на дорожку!

И откуда ни возьмись появляется котомка, а в ней всякая-всякая еда. Понравилось это повару, он еще кой-чего потребовал и все получил. Управляющий даже рот разинул.

— Ну и коробочка! — говорит. — Где раздобыл такую?

Повар сказал где. Потом собрался и ушел. А управляющий думает:

«Хочу коробочку! Уж я подольщусь к этому гному, замолю свой грех! Надо скорей баранины наварить!»

Наварил он баранины, сидит, ждет гнома, а того как назло нет.

— Эй, подпечник! — зовет управляющий. — Заходи, милый, в гости!

Услышал это гном, вылез.

— Тебе чего? — говорит. — Еды у меня хватает — мне повар на неделю дал.

— А ты свежего попробуй, — уговаривает управляющий. — Может, больше понравится.

Попробовал гном свежего.

— Спасибо, — говорит. — Вкусно. Пойдем, я тебя отблагодарю.

Полезли они под печку. Схватил управляющий коробочку и скорей обратно — на кухню. Даже спасибо не сказал — так торопился. Побежал скорей к барину, начал хвастать, что сейчас у них все будет, чего они захотят. И давай колотить в коробочку.

Только стукнул, а оттуда как выскочит гном с железной палицей и ну дубасить барина с управляющим. До бесчувствия избил.

А сам тут же пропал. И коробочка тоже пропала. Только их и видели.

Маттиас Йоганн Эйзен

Как парень себе нежить в жены взял

Целых семь лет мучила по ночам юношу нежить. Стоило ему закрыть глаза, как являлась она к нему в облике девушки удивительной красоты и кидалась ему на грудь. И как ни силился юноша подняться, не мог ни рукой, ни ногой пошевелить. Утром просыпался он весь в поту от страха и удушья.

Где только не искал юноша помощи, каких только лекарств не испробовал — все напрасно. Прошло семь лет, и тут кто-то посоветовал парню обратиться к известному мудрецу, что жил за Валгой.

Поблагодарил парень за добрый совет, запряг лошадь и отправился к завалгаскому мудрецу.

Мудрец этот был старый седой горбун. Он много чего повидал на своем веку и много болезней вылечил.

Приехал к нему юноша поздно вечером. Поздоровался и со слезами на глазах пожаловался старику на свою беду.

Старик приветливо посмотрел на него, а затем произнес:

— Тебе следовало бы раньше ко мне прийти. Ты слишком долго терпел, погляди, на кого похож стал — как смерть тощий. Хорошо еще, что нежить является к тебе в облике молодой здоровой девушки, а не старухи! Со старухой было бы не так легко справиться. Ты еще не женат?

— Не женат, — ответил парень.

— Тем лучше, тем лучше, — пробормотал старик.

— А ты когда-нибудь подумывал жениться? — снова спросил старик.

— Подумывал, и не раз. Да только думаю, возьму я жену, а поди знай, оставит ли ее в покое злодейка. Не сживет ли из-за меня со света?

— Если так этого боишься, возьми себе девушку, что тебя по ночам мучает, в жены, — сказал старик. — Это своенравная финская девушка, она тебя где-то видела, полюбила и теперь не оставляет в покое.

— Как это возможно, чтобы я себе в жены нежить взял! К тому же она меня уже семь лет мучает! Это же дьявол, а не девушка! — сказал парень.

Старик всплеснул руками, усмехнулся в бороду и сказал:

— Ну и глуп же ты! Дьявол на людей не бросается. Я же сказал тебе, что это финская девушка и к тому же единственная дочь очень богатого хозяина. Много финских парней приходило ж ней свататься, она же никого, кроме тебя, не любит. Если и ты полюбишь ее — получишь себе в жены. Возьму я с тебя за это немного — всего три рубля. А теперь послушай, что я тебе скажу. В стене твоей комнаты есть дырка, буравом просверленная. Каждый вечер девушка пробирается через эту дыру в комнату и бросается тебе на грудь. Так вот — возьми кусок рябинового дерева, сделай из него затычку и вырежь на конце ее три креста. Затычку возьми в правую руку. Как ляжешь вечером в постель, держи руку поближе к дыре. Едва почувствуешь, что нежить к тебе приближается — затычку быстро в дыру. Сам увидишь, что тогда произойдет. Свою страну и своих родителей девушка тотчас же позабудет.

Поблагодарил юноша старика за совет, расплатился с ним, попрощался и домой отправился.

На следующий день сделал он затычку из рябинового дерева. Вечером лег парень в постель, затычку в руке держит. Вскоре почувствовал он, что его душат. Хотел парень крикнуть, да голос пропал. Тут вспомнил он про совет мудреца и про затычку. С

большим трудом сунул он ее в дыру, и надо же, чудо какое: грудь отпустило, и увидел парень в изножье кровати пригожую девушку.

Стала тут девушка сетовать:

— Ох, я, бедняжка! Куда это я попала! Что со мной приключилось?

Закрыла глаза руками и заплакала.

Пожалел парень девушку. Принялся ее утешать:

— Не плачь, милая! Это я позвал тебя сюда. Хочу тебя в жены взять! Чем мы с тобой не пара!

Посмотрела девушка парню в глаза и сказала:

— Если все это правда, то хочу стать твоей женой. Я тебя всем сердцем полюбила.

Через несколько недель сыграли пышную свадьбу. С тех пор перестала нежить парня по ночам мучить, и щеки у него снова порозовели.

Четырнадцать лет жили они счастливо. Но как-то раз пришло мужу на ум рассказать жене, как он ее себе в жены получил. Взял ее за руку, подвел к стене, где дыра была, вытащил из нее затычку и сказал:

— Вот дыра, через которую ты в дом вошла. Я сунул затычку в дыру и нашел тебя!

Только он это вымолвил, как жена исчезла. И уже издали услышал муж ее голос:

— Ухожу я, ухожу, за моря я ухожу!

Исчезла жена, да так и не вернулась. Искал ее муж, искал, даже к завалгаскому мудрецу ходил, но мудрость и искусство старика бессильны были вернуть мужу жену.

Юри Парийыги (1892-1941)

Заклинатель змей

Мой дедушка рассказывал, что когда он был маленьким, в леэлиской баньке жил старый Мярт, который знал язык птиц и зверей и понимал, о чем говорят змеи. Где он всему этому научился, никто не ведал. Змей он не боялся и мог с помощью слов делать с ними все что угодно.

Однажды мой дедушка сам видел, как леэлиский Мярт стоял подле кустов и звал змей. Он посвистел немного, пробормотал какие-то слова, и тут же приползла большая змея и остановилась перед старым Мяртом. Мярт обвил ее вокруг шеи, а затем сунул за пазуху, и змея ничего ему не сделала. После он снова отослал змею в лес. Чтобы Мярт змей убивал или какое другое зло им причинял, такого никто никогда не видел.

Как-то раз батрачки с мызы сгребали сено у Карьясооского болота. Был жаркий день, и вокруг ползало много змей. Одна злая змея выползла из-за куста и ужалила пяртлискую батрачку в ногу. Нога тут же опухла, и девушка едва добрела до дома. Как быть? Послали за старым Мяртом. Тот пришел и спросил:

— Помнишь ли ты куст, из-за которого выползла змея?

— Помню, конечно, как не помнить, — отвечала батрачка. — Большой орешник на повороте дороги. Там

в прошлом году рейуский Михкель себе палец порезал, когда косу точил.

— Тогда пошли в лес, — решил старый Мярт.

Пошли так пошли. В лесу девушка сразу же нашла куст и сказала:

— Вот здесь она меня ужалила.

— Ладно, — сказал Мярт, — вытяни-ка ногу!

Девушка закрыла глаза и вытянула ногу. Старый Мярт трижды крикнул:

— Сюда! Сюда! Сюда!

Затем тихонько посвистел и что-то пробормотал, а что — девушка не поняла.

Сразу же приползла та самая змея, что девушку ужалила, остановилась перед Мяртом и стала на него смотреть.

— Вылижи! — приказал Мярт.

Змея тут же вытянула шею и принялась зализывать рану. Жар в ноге сразу стих, боль прошла. Через некоторое время Мярт приказал змее ползти обратно, и девушка почувствовала, что нога здорова.

Так старый Мярт лечил от змеиных укусов, и у жителей деревни никаких забот не было. Даже дети смело ходили на болото за ягодами и не боялись, потому что Мярт запретил змеям кусать их.

Все же одна из змей не послушалась запрета старого Мярта и ужалила в ногу пастушка Маргуса. Мярт сразу же позвал змею и приказал вылизать рану. Однако всем палумяэским и карьясооским змеям пригрозил:

— Если еще хоть раз кто из вас детей ужалит, выгоню всех из леса и болота.

В том году змеи детей не трогали, а на следующий одна из них ужалила сына каэвумяэского хозяина, как раз на их дворе. Рассердился Мярт и пообещал прогнать змей.

Он пересек болото от корчмы Палуга до Кыргерабаской топи и от конца деревни до другого края Карьясооского болота. Так он дорогу змеям готовил. Когда болото было исхожено вдоль и поперек и дороги протоптаны, приказал Мярт змеям уходить. И тут начали они сползаться, пока все дороги не закишели ими. И стали прочь уползать. Ползли, извиваясь, до тех пор, пока все не ушли.

После этого никто в окрестностях Паллиской деревни, пока жив был старый Мярт, ни одной змеи не видел. Теперь старого Мярта давно нет в живых, и змеи постепенно вернулись обратно. А вот почему Мярт своего сына языку змей не обучил, этого дедушка не знал.

Юри Парийыги Семь братьев и семь сестер

Когда-то в далекой северной стране, на одиноком хуторе жили семь братьев. Отец с матерью давно умерли, сестер не было — так они и жили одни и всю работу по дому делали сами.

Когда и самому младшему из них пришла пора жениться, стали братья совет держать — надо, мол, им жен в дом привести. Но поскольку известно было, что поблизости девушек нет, решили братья так: шестеро старших пойдут по белу свету жен искать, младший же останется за домом присматривать. Они и для себя жен подыщут, и младшему приведут.

Сказано — сделано. Шестеро старших братьев собрали свои котомки и отправились в путь, младший же остался за домом приглядывать и жену поджидать.

Обошли братья немало волостей и приходов, нигде не нашли семи девушек, которые согласились бы за них замуж пойти. Тогда решили братья в город отправиться, как-никак народу там всякого много, авось найдут себе подходящих жен.

Идут они, идут и видят: старая избушка стоит, а на пороге сидит седой старик.

— Куда, молодцы, путь держите? — спрашивает он их.

— Жен искать, — отвечают братья.

— Идите, идите, — говорит старик, — и мне жену приведите, да чтоб была молодая и пригожая.

Рассмеялись братья.

— Гляди, каков старик — сам седой как лунь, а подавай ему молодую и пригожую.

Отправились братья дальше, про старика уж и думать забыли, и вскоре пришли в незнакомый город.

Заходят в первый дом и рассказывают, зачем пожаловали: мол, семь их братьев, шестеро здесь, а самый младший дома остался, хотят они себе жен найти, да и младшему невесту привести.

У хозяина дома как раз семь дочерей оказалось и все взрослые — на выданье. Стали братья к девушкам свататься, девушки согласились. Самому старшему досталась самая старшая сестра, остальным — по старшинству, а самая меньшая согласилась выйти за брата, который дома остался.

После сговора стали шестеро братьев домой собираться, а с ними и семь сестер.

Идут они, идут и доходят до избушки. Седой старик опять на пороге сидит. Увидел он братьев и семь сестер, встал и пошел им навстречу, сам рад-радехонек.

— Хорошо, что и мне жену привели!

— Не радуйся, старик, — отвечают братья. — Это не для тебя жена, а для нашего младшего брата, который остался за домом приглядывать.

Тут пробормотал старик что-то, дотронулся своей палкой до братьев и сестер, и они тут же в серые камни превратились. Самую же младшую отвел в избушку и взял себе в жены.

Не хочет младшая сестра у старика жить, горюет и все думает, как бы убежать. А злой старик сердится и не разрешает ей никуда выходить. Узнала как-то девушка, что у старика нет сердца и будто оно где-то спрятано и что старик до тех пор жить будет, пока будет жить его сердце. Стала девушка старика обхаживать, чтобы сказал, где его сердце. Старик поначалу не хотел говорить, а под конец сдался и сказал:

— Коли уж ты так хочешь знать, скажу тебе, где мое сердце. Оно на кровати в подушке.

Девушка осталась довольна ответом, однако не поверила, что старик правду говорит. Как-то пошел он в лес, а девушка дома осталась. Набрала она цветов и украсила ими подушку старика. Пришел тот вечером домой, увидел, что подушка цветами украшена, и спрашивает:

— Ты что это подушку цветами украсила?

— Хотела твое стариковское сердце порадовать, — отвечает девушка.

Рассмеялся старик:

— Где ж это видано — сердце в подушке!

На следующее утро старик снова в лес собирается, девушка же начинает просить — пусть скажет, где его сердце.

— Уж и не знаю, говорить тебе иль нет? — сомневается старик. — Ну, да ладно, скажу: мое сердце в двери.

Едва старик ушел, собрала девушка пестрых перьев и украсила ими дверь. Приходит старик вечером домой, видит — дверь перьями украшена, снова смеется:

— Где ж это видано — сердце в двери!

Расплакалась тут девушка и стала требовать, чтобы старик сказал, где его сердце. Надоели в конце концов старику приставания девушки и сказал он ей:

— Мое сердце и не здесь вовсе, а у одной птички. И живет эта птичка в одной церкви, а церковь отсюда далеко-далеко.

На следующий день старик снова ушел из дома, и девушка одна осталась. Села она на порог и стала думать, как бы от старика избавиться.

Как раз в эту пору младший брат, что за домом присматривал, отправился на поиски братьев. Идет он и подходит к избушке, а девушка с порога и спрашивает, куда, мол, юноша путь держит и кого ищет.

Рассказал он ей все как есть: было их семь братьев, шестеро пошли по белу свету жен искать и как в воду канули — по сей день их нет.

— Коли это так, — говорит девушка, — заходи в избу, раздели со мной трапезу. Может, что и придумаем.

Отвела она юношу в избушку, рассказала ему, как пришли братья к ним свататься, как отправились вместе с ними все семь сестер и как старик превратил их всех в серые камни перед избушкой, одной ей человеческий облик сохранил и в жены себе взял.

— Если мы хотим от старика избавиться, — сказала под конец девушка, — то должны поймать птичку, у

которой в груди сердце старика.

Юноша не стал долго раздумывать и решил тотчас же отправиться на розыски птички с сердцем старика. Попросил у девушки на дорогу съестного и — в путь. Шел, шел, проголодался, сел на кочку, снял с плеча котомку с хлебом и стал подкрепляться, но сперва крикнул:

— Кто моим гостем хочет быть — подходи и ешь!

Подошел к юноше зубр, лег рядом и начал есть. Как поел, говорит:

— Если тебе когда помощь понадобится, кликни меня.

Сказал так и исчез в лесу.

Юноша вскинул на плечо котомку и зашагал дальше. Шагал он так до самого обеда, а в обед снова развязал котомку и сел подкрепиться, но сперва крикнул:

— Кто моим гостем хочет быть — подходи и ешь!

Вышел тут из-за кустов большой кабан и спрашивает:

— Ты меня звал?

Юноша отвечает:

— Хочешь моим гостем быть — подходи и ешь!

Кабан поел вместе с юношей и говорит:

— Если тебе когда помощь понадобится, кликни меня.

Пошел юноша дальше. Когда начало смеркаться и подоспело время ужинать, юноша снова крикнул:

— Кто моим гостем хочет быть — подходи и ешь!

На этот раз подлетела к юноше огромная сова, поела вместе с ним и на прощанье сказала:

— Если тебе когда-нибудь помощь понадобится, кликни меня.

Поблагодарил ее юноша на добром слове и спать лег. Наутро снова в путь отправился. Глядит — вдали уже церковь виднеется. Обрадовался юноша, зашагал

быстрее, а тут вдруг большая и широкая река ему путь преграждает. Он по берегу и туда и сюда, нигде броду нет.

«Был бы здесь зубр, который вчера приходил и вместе со мной ел, — подумал невзначай юноша, — он бы мигом выпил эту реку до дна».

Только он так подумал, как появился зубр, выпил реку до дна и отправился восвояси. Юноша перешел речку — даже ног не замочил — и пошел дальше. Церковь уже совсем близко, а тут вдруг новое препятствие: большая и высокая стена, через которую не перепрыгнешь.

«Был бы здесь этот большой кабан, что вместе со мной вчера обедал, он бы запросто эту стену пробил», — снова подумал юноша.

Едва он успел это подумать, как кабан тут как тут и такую дыру в стене пробил, что хоть в карете проезжай.

Но вот и церковь. Юноша вошел в нее и стал птичку искать. Видит, птичка высоко под куполом взад-вперед летает. Юноша снова туда-сюда, никак не может птичку поймать.

«Была бы здесь сова, что вчера со мной ужинала, — подумал юноша, — она бы эту птичку мигом поймала».

Смотрит — а сова уже здесь, поймала птичку, отдала ее юноше и дальше полетела.

Схватил юноша птицу, зажал крепко под мышкой и в обратный путь отправился. Теперь он шагал в два раза быстрее, чем когда сюда шел. Добрался до избушки, а старика как раз дома не было. Обрадовалась девушка, что юноша птичку поймал — теперь-то они избавятся от старика. Спрятала она юношу вместе с птичкой под кровать и наказала ему тихонько там сидеть.

Скоро старик вернулся домой и стал жаловаться девушке:

— Что-то сердце у меня болит, никак умру скоро.

Лег на кровать и стонет. Юноша посильнее птичку сдавил, старик охает и причитает, мол, боль в сердце такая, что мочи нет. Наконец задушил юноша птичку, и в тот же миг старик умер.

Тут юноша выбрался из-под кровати, взял палку седого старика и, как научила его девушка, дотронулся до каждого камня перед избушкой. И вмиг камни снова превратились в братьев и сестер. Уж как они радовались, как благодарили младшего брата и младшую сестру, что от колдовства их избавили.

А потом... потом отправились семеро братьев со своими женами домой и зажили счастливо. Кто знает, может и по сей день живут, если еще не умерли.

Яан Вахтра (1882-1947)

Котел с деньгами

В деревне Канасааре жил когда-то бедный бобыль по прозвищу Яак-Король. Он любил рассказывать всевозможные истории про королей, поэтому и стали его звать Яак-Король.

Яак работал на хуторах поденщиком и часто думал: «Ох, как тяжело гнуть спину на других! Разбогатеть бы самому, чтоб не надо было на других работать, вот бы зажил я припеваючи!»

Каждый день Яак думал, каким бы образом добыть ему много денег, но ничего путного придумать не мог, одно только и оставалось ему — знай себе работай.

Как-то ночью увидел Яак странный сон: будто сидит он на пороге своей избушки и подходит к нему незнакомый человек. Спрашивает незнакомец у Яака:

— У тебя дома какие животные?

— Только черный кот, — отвечает Яак.

— Хочешь ли ты разбогатеть, Яак?

— Хочу, — отвечает Яак.

— Возьми черного кота и в ночь на четвертый четверг пойдти к развилке четырех дорог и там, на перекрестке, выпусти кота и скажи:

Кот, кот, котофей,
Ты хвостом своим махни,
Клад лежит где, укажи.

Куда кот пойдет, туда и ты иди следом, а где кот сядет и начнет умываться, там, в земле, спрятан котел с деньгами. Котел большой и денег в нем много, одному тебе его из земли не вытащить. Неподалеку от тебя

живет мужик, тоже по имени Яак. Позови его на помощь. В котле столько денег, что на вас двоих хватит. Только запомни — будете копать, чтоб никто из вас ни слова не произнес, иначе сокровище навсегда под землю уйдет.

Проснулся Яак после этого сна и больше уже глаз не смыкал. Стал он перво-наперво думать, кто же этот мужик, который поблизости живет и которого тоже Яаком звать. Тут он вспомнил, что это не кто иной, как Яак-Лось из соседней Пераской волости, его старый приятель, они часто вместе на хуторах работали и порой в Кауксиской корчме выпивали.

Наутро решил Яак сходить в Пераскую волость и позвать Яака-Лося помочь котел с деньгами из земли выкопать. По дороге стал Яак сам с собой рассуждать: «Ах ты черт, как же я не подумал. Незнакомец велел, чтоб я себе помощника взял. Положим, позову Яака-Лося, потому что другого Яака поблизости нет, и он пойдет и поможет мне копать, так ведь, поди, захочет половину денег себе. Попробую-ка я сговориться с ним о поденной оплате, нет у него права требовать больше, клад-то одному мне указан.

Пришел Яак к Яаку-Лосю, а тот как раз дома был. Начали мужики говорить о том да о сем, пока, наконец, Яак-Король не решил, что подошло время сообщить, зачем пришел.

— Послушай, Яак! Не хочешь ли ты мне немного в работе подсобить?

— Ого, ты что, хуторянином или помещиком заделался, что меня к себе работать зовешь!

— Да вот хуторянином собираюсь стать, — только сперва ты должен помочь мне.

— В чем помочь-то?

— В чем? Котел с деньгами выкопать.

Вскочил тут Яак-Лось и удивленно воскликнул:

— Котел с деньгами?! Вон оно что! Значит, ты и есть тот Яак, про которого мне сон был, что придешь звать меня к себе в помощники?

Теперь настал черед Яака-Короля удивляться.

— Как?! Значит, и тебе во сне указание было?

Сели мужики, и стал Яак-Лось рассказывать:

— Вижу я сегодня ночью сон, будто подходит к моей избушке незнакомый человек и говорит: «Будь готов, Яак, скоро придет к тебе один человек и позовет на помощь. Ты иди, не отказывайся. Станешь богатым и счастливым, только запомни — во время работы чтоб ты ни слова не произнес, не то всего лишишься».

Яак-Король, разинув рот, слушал Яака-Лосю. Что за чертовщина? И Яаку-Лосю почти такой же сон привиделся.

Тогда Яак-Король рассказал и свой сон, а под конец спросил Яака-Лосю, сколько тот захочет, если согласится помочь ему котел из земли выкопать.

— Да не больше половины клада. Ведь нам обоим сон был и обоим придется одинаково работать. Я полагаю, будет справедливо, если разделим сокровище пополам.

Почесал Яак-Король затылок и попытался втолковать Яаку-Лосю, что все же у него больше прав на сокровище, ведь это его черный кот укажет, где котел лежит, а Яаку-Лосю хватило бы и хорошей поденной оплаты. Но Яак-Лось и слышать об этом не захотел.

— Ладно, Яак! Разделим клад пополам! Мне не жаль, если и ты станешь таким же богатым, как я, — сказал в конце концов Яак-Король и велел Яаку-Лосю явиться к нему вечером четвертого четверга, да пораньше.

Настал вечер четвертого четверга. Яак-Лось загодя был на месте, лопата на плече, как и положено.

Оба Яака оживленно говорили о деньгах, которые им во сне незнакомец посулил.

— Смотри только, рта не раскрывай, что бы там ни было! — твердил Яак-Король.

— Да и ты тоже, — отвечал Яак-Лось.

Уже стемнело, но тут на небе возшла луна и ярко осветила все вокруг.

— Как ты думаешь, Яак, наверное, нехорошо, что ночь светлая и луна в небе? Я слышал, что клад надо копать в самую темную ночь, когда нет луны.

— Я тоже слышал. А что делать, луну ведь не закроешь. Раз нам такой сон был — значит, котел с деньгами мы добудем, какая бы ночь ни была.

Уже близилась полночь. Яак-Король схватил под мышку черного кота, вскинул на плечо лопату и поспешил к перекрестку, что неподалеку от его избушки, Яак-Лось, тоже с лопатой на плече, не упуская приятеля из виду, пошел за ним следом.

Вскоре Яак с котом дошли до перекрестка. Там Яак опустил кота на землю и произнес:

Кот, кот, котофей,
Ты хвостом своим махни,
Клад лежит где, укажи.

Ну и чудо! Недолго думая, кот той же самой дорогой, которой они пришли, направился к дому, мужики с лопатами — за ним.

— Вот злодей, он же обратно к дому идет, — ухмыльнулся Яак-Лось.

— Поглядим, поглядим, — ответил Яак-Король, а у самого на сердце скребет, вдруг кот в самом деле домой отправится, и сон про котел с деньгами так сном и останется.

А кот и прямо к дому торопился; вот уже и изба Яака виднеется.

— Да что там, сон как сон, — сказал Яак-Лось, потеряв всякую надежду найти клад.

Но тут, не доходя до ворот дома, кот внезапно свернул к сосняку близ избышки, там росло несколько высоких сосен, а под ними проходила тропинка. Мужики последовали за котом. Кот побродил под соснами и остановился на песчаной насыпи. Яак всегда считал, что это курган, оставшийся с древних времен, но точно никто этого не знал.

Кот немного походил по насыпи, а потом сел и начал умываться.

Мужики во все глаза следили за ним, Яак-Король подтолкнул локтем Яака-Лося и показал на холм. Тут оба мужика, схватив лопаты, подбежали к насыпи и, не говоря ни слова, принялись копать, а их проводник, черный кот, в страхе обратился в бегство.

Мужики копали молча, только песок скрипел под лопатами.

Уже половину песчаной насыпи раскопали, и яма вроде бы глубокая, с мужиков пот градом льется, а котла с деньгами и в помине нет. Однако не сдались мужики, а продолжали с таким же усердием копать дальше. Тут вдруг Яак-Лось отбросил лопату, как-то странно согнулся и обеими руками схватился за живот. Яак-Король в удивлении посмотрел на него, но Яак-Лось судорожно сжал рот и показал рукой, что у него страшно заболелся живот. Бедняга Яак-Лось с перекошенным от боли лицом изо всех сил сдерживался, чтобы не издать ни звука, затем показал пальцем на ближайшие кусты, Яак-Король тоже махнул рукой, давая понять, пусть, мол, бежит туда, если терпеть больше не вмоготу.

Яак-Лось быстро исчез в кустах, а Яак-Король принялся копать дальше.

Внезапно лопата Яака ударилась о что-то твердое. Яак в волнении еще раз копнул, теперь он не сомневался: в песке лежал какой-то металлический предмет. В смятении Яак откинул с этого места песок, потрогал предмет рукой и понял — это не что иное, как дужка от котла. Стал дальше копать и видит — огромных размеров котел. Принялся мужик котел выкапывать — у самого руки дрожат. Как он потом рассказывал, котел этот был с десятиведерную кадушку.

Мужик что было сил выкидывал из ямы песок. Котел уже наполовину вылез из-под земли. Тогда Яак отбросил лопату и обеими руками схватился за дужку котла. Котел сдвинулся с места, но оказался таким тяжелым, что одному человеку и думать было нечего вытащить его. Тянет мужик за дужку, пытается приподнять котел, но что не под силу — то не под силу.

В этот миг из-за кустов донесся стон бедняги Яака-Лося. И тут же Яак-Король почувствовал, как тяжелый котел с деньгами начинает уходить под землю. Мужик тужился изо всех сил, а котел опускался все ниже и ниже, и Яак понял, что если он сейчас же не отпустит дужку, то тяжелый котел с деньгами потянет его за собой под землю.

В отчаянии бедняга Яак-Король позабыл о наставлении, которое ему во сне незнакомец дал, и что было мочи крикнул:

— Яак, беги скорее, котел с деньгами в землю уходит!

В ту же минуту Яак почувствовал, как котел выскользнул у него из рук, раздался грохот и не осталось ничего, кроме глубокой пустой ямы, которая в мгновение ока заполнилась песком. Еще хорошо, что Яаку удалось в последнюю секунду из ямы выпрыгнуть, не то остался бы он под песком, что сверху сыпался.

Выскочил Яак-Лось из кустов, подбежал к яме и видит: сидит Яак-Король на песке и от злости рвет на себе волосы. Как увидел он перед собой Яака-Лося, набросился на него с кулаками и заорал:

— Ах ты, последняя скотина! Чтоб тебя вместе с твоим животом волки сожрали! Засел в кустах, стал там пицать и вот что натворил! Котел под землю ушел, теперь уж никто его оттуда не достанет...

На следующий день, рано утром, мужики старательно осмотрели яму. Ничего они там не увидели, кроме корня сосны, похожего на дужку котла...

Юхан Кундер Оборотень

Сидят мужик с женой у края болота возле копны сена и завтракают. А волк подле копны, словно щенок, хвостом машет и глаз с куска хлеба не сводит.

Думает мужик: «Хвачу-ка я его косою по голове!» — и смотрит на косу. Затем передумывает: «А какая мне с этого польза?»

Взял и протянул волку на конце охотничьего ножа кусочек хлеба. Схватил волк хлеб вместе с ножом и исчез в лесу.

— Вот беда, утащил мой нож, чем я теперь буду косы вырезать, — рассердился мужик.

Мужик давно и думать забыл про то, что с ним летом приключилось. Как-то пошел он в город, остановился перед лавкой и вдруг в окне свой нож увидел.

«Ну и чудеса! Это как мой нож, которым я косы вырезаю, здесь очутился? Пойду-ка, спрошу!»

Зашел мужик в лавку и спрашивает:

— Господин купец, как это мой нож у вас в окне очутился?

Взял старый господин нож и отозвал мужика в сторонку.

— Видишь ли, добрый человек, — сказал он. — Когда ты подле копны завтракал, вышел я из болота оборотнем, в которого меня злая колдунья превратила, и попросил у тебя хлеба. Ты сперва на косу посмотрел, а я на твое горло. Потому что, если бы ты, бедняга, до косы дотронулся, я бы тебя тотчас загрыз. Твое счастье, что ты мне хлеба дал. Так я смог с себя шкуру волка сбросить. А нож твой взял с собой потому, чтобы с его помощью разыскать тебя и отблагодарить за твою

доброту. Вот тебе твой нож, а вот полный мешок серебра за то, что меня спас. Только смотри, никому про это не рассказывай!

— Кому же мне рассказывать! — ответил мужик и сунул мешок с деньгами за пазуху.

Фридрих Рейнгольд Крейцвальд (1803-1882) Чурбан и береста

У одного скупого хозяина вечно бывали в доме ссоры и раздоры, потому что ни один батрак, ни одна служанка не могли у него ужиться. Хотя хозяин и не требовал с них работы больше, чем другие, но кормил слуг так скудно, что им никогда не удавалось наесться досыта. Пять-шесть месяцев такой собачьей жизни еще можно было вытерпеть, а потом голод снова гнал людей куда глаза глядят. И когда в конце концов по всей округе узнали, почему слуги бросают скупого хозяина, никто больше не стал наниматься к нему в работники.

В ту пору далеко в Алутага ^[1] жил знаменитый мудрец, и хозяин решил сходить к нему за советом. Принес он ему в подарок мешок денег и другое добро и спросил — нельзя ли где сыскать таких батрака и батрачку, которые бы хорошо работали, а хозяина своего не объедали.

— Сыскать, конечно, можно, — ответил мудрец. — Только мне это не под силу. Придется тебе пойти к старому хозяину ^[2] — он один может тебе помочь.

Затем мудрец стал поучать скрягу: пусть три четверга подряд, незадолго до полуночи, выходит на перекресток, взяв с собой черного зайца в мешке, и там свистит, вызывая старого хозяина.

— А уж сторговаться с ним ты и сам сумеешь, добавил мудрец. — Больше я тебе ничем помочь не могу. Только смотри, не давай себя обмануть.

Скряга спросил, где же ему достать черного зайца, и тогда мудрец посоветовал взять черную кошку.

Когда наступил первый четверг, хозяин, сунув в мешок кошку, отправился на перекресток, хотя и страшновато ему было. Он свистнул и стал ждать, но никто не появлялся. Тогда хозяин свистнул еще раз, подумав при этом: «Если он и теперь не явится, значит, я зря приходил».

Тут в воздухе послышался шум, словно кто-то раздувал кузнечные мехи. Потом над головой у хозяина пронеслось что-то черное, и чей-то голос спросил:

— Чего тебе, братец, надо?

— Продаю черного зайца, — ответил хозяин.

— Приходи в четверг на той неделе, мне сегодня недосуг торговаться с тобой, — ответил голос, и черная тень тотчас же исчезла.

Человеку стало досадно, что он потратил время зря, но пришлось смириться: когда имеешь дело с самим стариком, надо запастись терпением.

Через неделю хозяин снова пришел на перекресток. На этот раз не успел он свистнуть, как появился маленький старичок с сумой за плечами и спросил:

— Чего тебе, братец, надо?

— Продаю черного зайца, — снова ответил хозяин.

— Сколько ты за него хочешь?

— Дорого не спрошу, — сказал крестьянин. — Дай мне батрака и батрачку, которые бы хорошо работали и меня не объедали.

— На сколько лет думаешь договариваться? — спросил старик.

— Да по мне, хоть до конца жизни, — ответил хозяин.

Но старичок сказал, что не может заключить сделку сроком больше, чем на семь или на четырнадцать лет, на что крестьянин и согласился.

— Приходи в четверг на той неделе и захвати с собой своего черного зайца, — сказал старик. — А я приведу тебе батрака и батрачку, которые никогда не

спросят у тебя ни есть, ни пить. Но в засуху ты должен класть их на ночь в воду, иначе они не смогут больше работать.

В третий четверг вечером хозяин снова пришел на перекресток. Только он свистнул, как старик появился, но один, без батрака и батрачки.

— Ты должен дать мне три капли своей крови из указательного пальца в залог того, что не отступишься от сделки, — потребовал старик.

— А где же батрак и батрачка? — удивился хозяин.

— В мешке, — ответил старик.

Но мешок был так мал, что крестьянин не поверил. Старик, как будто прочитав его мысли, промолвил:

— Не бойся, я тебя не обману.

Он пошарил в мешке, вытащил оттуда узелок величиной с клок кудели и сказал: — Вот твой батрак! — И тотчас же рядом со стариком стал высокий, широкоплечий парень. Потом старик вытащил из мешка второй узелок, из которого вышла девушка.

— Вот твои батраки. Кормить их не надо, — сказал старик. — Теперь дай мне в залог три капли крови и черного зайца и ступай домой.

Хозяин сделал все, что полагалось по уговору, а затем спросил, как зовут его новых работников.

— Батрака зовут Чурбан, а батрачку — Береста, — ответил старик и, засунув много зайца в мешок, пошел своей дорогой. А хозяин с новыми домочадцами отправился домой.

Батрак и батрачка работали на хозяина от зари до зари, но есть никогда не просили, чем скряга был очень

доволен. И если иной раз в знойный летний день работники казались усталыми, их клали на ночь в воду, и оба к утру становились такими же свежими и сильными, как и раньше. А скаредный хозяин, которому не надо было кормить батраков и платить им жалованье, богател с каждым годом.

Так прошло семь лет, потом еще без малого семь. Хозяин забеспокоился, что ему скоро придется лишиться своих работников, и стал думать, как бы продлить срок сделки.

Как-то утром, проснувшись, хозяин увидел, что батрак и батрачка еще не принимались за работу. Думая, что они заспались на сеновале, он приставил лестницу к стене и полез наверх. Но на сеновале было пусто, только на постелях батраков лежали гнилой чурбан и кучка бересты. Тут хозяин понял, что означали имена его работников — по-видимому, батрак и батрачка были колдовским способом сделаны из дерева и бересты.

Хозяин только собрался было спуститься вниз, как вдруг чья-то рука схватила его за горло и тут же задушила. Когда жена стала искать мужа, она не нашла на сеновале ничего, кроме трех капель крови. Войдя в амбар, хозяйка увидела, что закрома пусты, а сундук, где хранились деньги, набит пожелтевшими березовыми листьями.

Вмиг пропало все накопленное ими добро. Вскоре умерла от горя и вдова хозяина; ей, правда, так и не довелось узнать, что ее мужа задушил старый черт, которому скряга из алчности продал свою душу.

Так был наказан скупой хозяин, накопивший богатство несправедливым путем.

Аугуст Якобсон

Северное сияние

Жил-был батрак, человек неплохой, только с ним вечно приключались разные необыкновенные истории.

Однажды в студёный зимний день отправился батрак в лес поискать подходящее дерево, чтобы сделать полозья для новых дровней. Казалось, он должен бы знать дорогу как свои пять пальцев, а он возьми да и заблудись.

Искал-искал батрак дорогу, десять раз ему казалось, что нашел, и он начинал радостно шагать по ней, да не тут-то было — оглянется по сторонам и видит — место совсем незнакомое, хоть плачь с тоски.

Наконец, проблуждав несколько дней, он выбрался на узкую тропинку, которая вела к дому, сложенному из толстых бревен. Дом стоял среди леса, такого дремучего и густого, каких батрак еще не видывал.

Батрак обрадовался, что все-таки живым выбрался, и от радости готов был расцеловать первого встречного, кем бы тот ни был, пусть хоть самый страшный разбойник! Но никто ему навстречу не попадался, даже разбойников не было видно, так что расцеловать было некого.

Батрак вошел в сени, отряхнул на земляном полу снег с валенок, постучал в дверь. Ему никто не отозвался и, открыв дверь, он вошел в овин.

Там не было никого ни слышно, ни видно, но было так жарко натоплено, что батрак тут же снял свой тулуп. От усталости он еле стоял на ногах и тут же забрался на печку, накрылся с головой тулупом и в ту же минуту крепко уснул.

К вечеру батрак выспался и, проснувшись в прекрасном настроении, продолжал полеживать на

печи. Вдруг дверь отворилась, в комнату вошли несколько огромных мужиков, которые тотчас принялись за какую-то странную, непонятную работу. Они втащили в овин лошадь, запрягли в соху, вспахали земляной пол и засеяли рыхлую землю золотистым ячменным зерном. И вот какое чудо: зерно стало тут же прорастать, ячмень быстро взошел, стал цвести и колоситься и, когда совсем созрел, его скосили, обмолотили, провеяли и смололи на крупу. Смололи, значит, на крупу, засыпали в огромный котел. Сварили душистую ячменную кашу, при виде которой у батрака слюнки потекли.

Затем все они повесили себе на шею по связке лучин, сунули за пояс новенькие льнотрепальные валки, напоминавшие деревянные мечи, и приступили к котлу. Зажгли от плиты лучинки и большой ложкой стали черпать кашу. И на каждом, кто отведал горячей каши, вдруг появлялся богатый сверкающий наряд, и преобразившийся человек тут же поднимался в воздух! Поднимался, значит, в воздух и вылетал в открытое окно, как огромная красивая птица.

Так из комнаты исчезли все пришельцы — не обмолвившись между собой ни словом, ни о чем не советуясь, словно все, что здесь произошло, было давно решенное дело. А батрак тем временем лежал на печке тихо, как мышь, — боялся, что его заметят, и будет беда.

Когда последний пришелец, в сверкающем, роскошном мундире, улетел из комнаты, батрак слез с печи, подумал-подумал, посомневался-посомневался, потом привязал себя вожжами к стоявшему в комнате большому ткацкому станку и решил:

— Будь что будет, попытаюсь-ка и я!

Он взял со стола ложку и зачерпнул из котла ячменной каши.

И, как вы думаете, что произошло?

А произошла совсем невероятная история, друзья мои!

Батрак вместе с тяжелым станком поднялся в воздух, больно стукнулся головой о притолоку, некоторое время беспомощно побарахтался под потолком и вдруг почувствовал, что его подхватили и повлекли сильные порывы ветра, словно подталкивая его вперед. Бедняга еще раз стукнулся головой о притолоку, потом об дверь, дверь распахнулась, вожжи, которыми он привязался, порвались. И тут сразу начался такой стремительный полет, что в ушах свистело и из глаз сыпались искры!

С невероятной быстротой, подгоняемый ветром, он мчался к северу. По пути он даже обогнал пришельцев, несших огонь, и один из них подлетел к нему и помог зажечь две лучины.

— Чего же ты так мчишься, ведь надо, чтобы обитатели земли нас видели — будь то люди, идущие по дорогам, или птицы, сбившиеся с пути, — дружелюбно сказал он.

Наконец поднебесье заполнилось несущими огонь людьми, так что облака прямо светились, и глубокое, темное небо сияло и переливалось. И все аукали и кричали что-то, и все весело смеялись, и все размахивали светящимися валками, как мечами, словно бы шла большая война.

Батрак тоже, словно обезумев, кружил среди других, вертел горящие лучины, размахивал светящимся валком, который каким-то чудом оказался у него в руке! Любопытство одолевало его, и в конце концов он спросил у кого-то, налетевшего на него сзади и нечаянно набившего ему на затылке шишку:

— Ну, куда ты несешься, браток, так недолго и глаза выжечь. Лучше скажи, какого черта вы, взрослые мужики, так резвитесь и размахиваете деревянными мечами?

— Северное сияние наводим, северное сияние! Разве ты, деревенщина, не понимаешь — северное сияние наводим! — ответил любезный сосед, улыбнулся и снова умчался.

Только под утро ветер подул в другую сторону и батрак полетел, заскользил назад, к одинокому лесному дому, откуда начался его удивительный путь. Летел-скользил к одинокому лесному дому, прилетел, вошел в овин. И к величайшему удивлению увидел, что пол такой же гладкий как всякий земляной пол, нигде ни борозды, нигде ни соломинки! А в доме теперь было многое-множество веселых и радостных мужиков, которые с ним приветливо поздоровались и попросили, чтобы он никому не рассказывал, как наводил северное сияние. Его досыта накормили, дали с собой полный мешок еды, объяснили, как выбраться из леса, и сказали, пожимая на прощанье руку:

— Ну, будь здоров и иди прямо к югу, тогда не заблудишься!

Батрак шел, как его научили, и на третий день был уже дома. Он умел держать слово и в самом деле никому не рассказывал о том, что с ним приключилось, никому, кроме своей милой женушки.

Она тоже была не болтливая и ни с кем не разговаривала, кроме разве своих соседок. А они обещали ей, что никому ничего не расскажут, разве что бабам из соседней деревни.

Так эта история и сохранилась в тайне и до сих пор сохраняется.

В старину мертвых боялись. Часто случается, что боятся еще и в наши дни, считая, что они приносят несчастье.

Если над умершим не совершить всех принятых обрядов, он возвращается с кладбища домой «требовать долг» и, как говорят в народе, заделывается «домовым». В таких случаях умерший всегда настроен враждебно. Однако помимо того, что умерший не получил обратно «свой долг», были, похоже, и другие причины, заставлявшие его возвращаться в дом. Домовыми становятся ведьмы и преступники, а островитяне считают, что и все господа тоже. Но умерший может вернуться и в том случае, если его слишком долго оплакивают либо если его поминают недобрым словом. Если же кто-нибудь проклянет покойного, то тем самым сразу же вернет его в дом.

Но если принести мертвецу жертву, которая понравится ему, то он тут же перестанет ходить в дом. Днем домовые обычно не появляются, только с наступлением вечера. Бродят они по земле до тех пор, пока петух не пропоет. Петух — злейший враг и домового, и черта. И того и другого он выгоняет из дома.

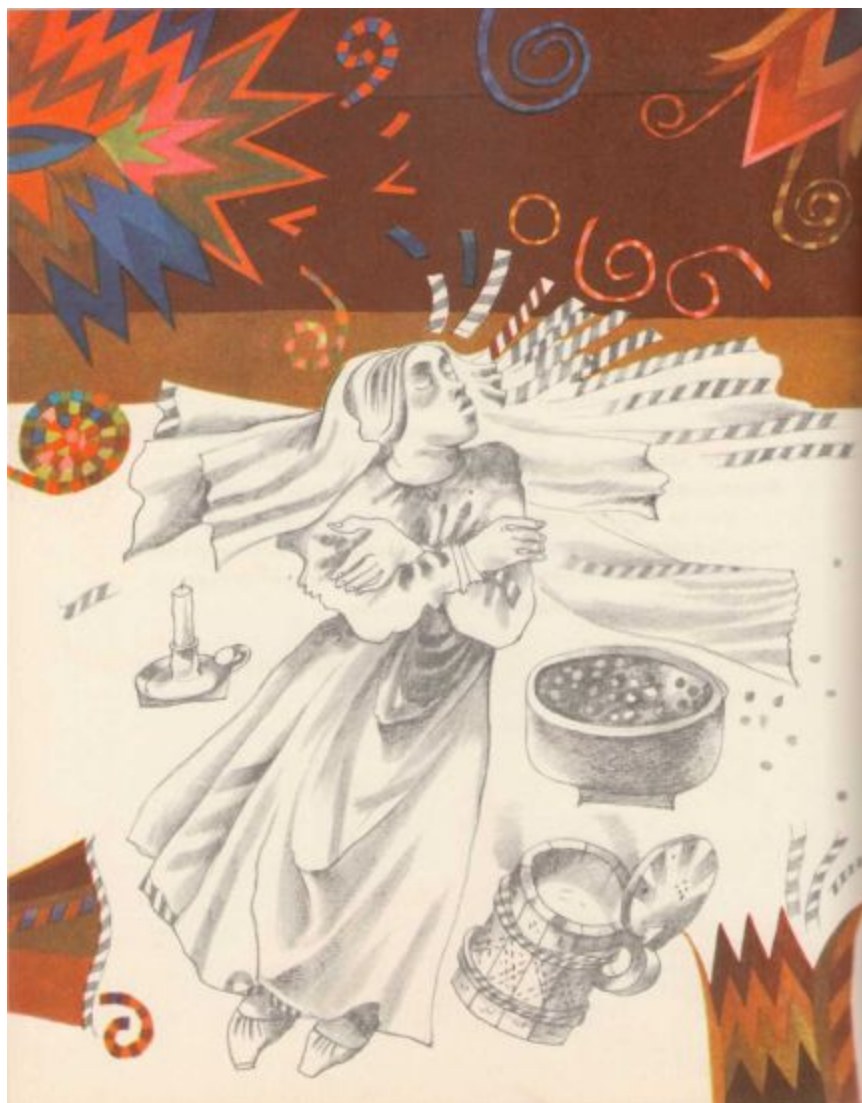
В одних местах говорят, что домовый появляется вечером в каждый четверг, а в других местах — каждый понедельник, четверг и субботу.

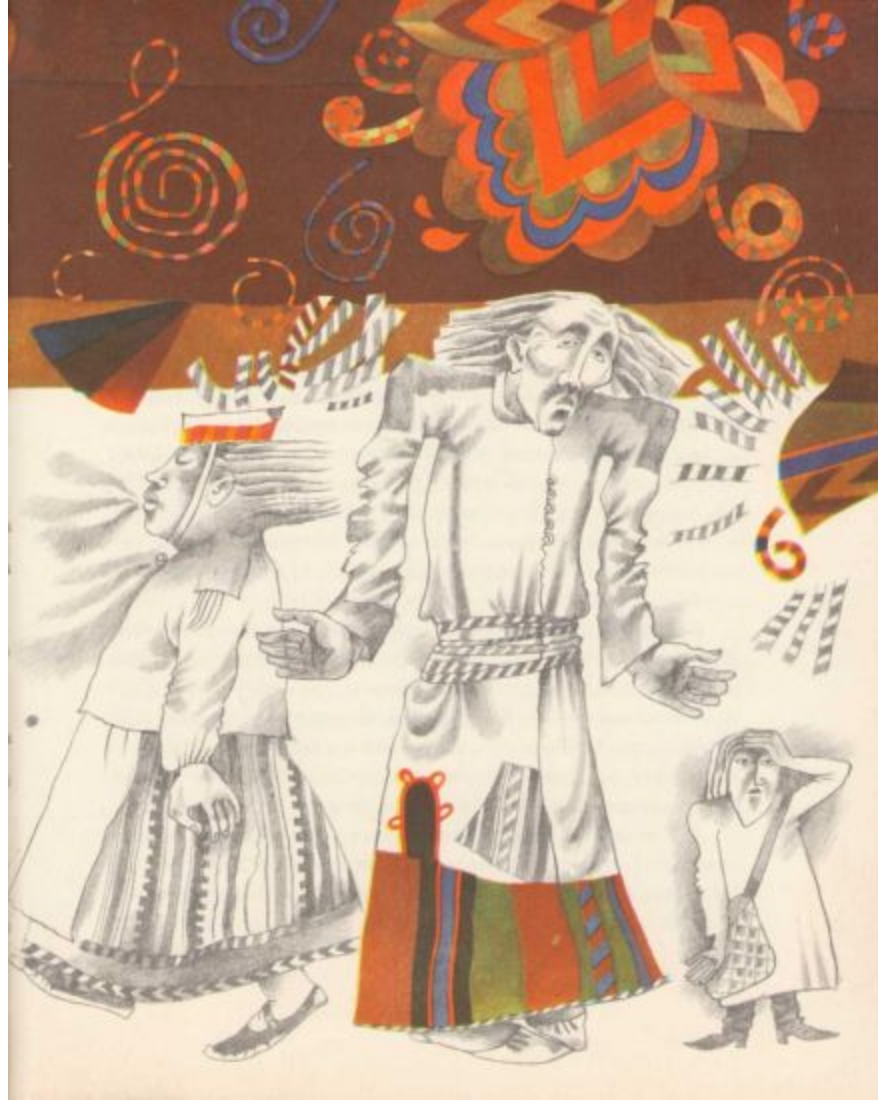
Рука об руку со смертью шагает и мор. Не получают мертвецы причитающихся им жертв и почестей — и начинают изводить оставшихся в живых повальными болезнями. В каждой болезни скрывается свой дух, и предстает он в разных обличьях. Яростнее всего свирепствует чума. Чаще всего она появляется в

человечьем облике, но может обернуться и какой-нибудь вещью. Являясь к людям, чума всегда несет смерть.

Приняв облик человека, чума либо бродит пешком, либо разъезжает в телеге. Не гнушается она и верхом ездить. Порой же залезает она в карман к путнику и таким образом передвигается дальше.

Маттиас Йоганн Эйзен

Ансомарди (1866-1915)

Тыну Бес

На одном хуторе, в те времена его Муравьиным называли, жила молодая богатая вдова по имени Тийю. Не успела она снять траур по покойному мужу, как зачастили к ней сваты со всех четырех сторон. Да не по нраву, видать, пришлись ей женихи с их подарками, а может, решила она навеки остаться вдовой, про то не известно. А только вернулись оттуда все сваты ни с чем.

Так и жила она вдовой со своею малой дочуркой, которую звали Вийю, хозяйство вела. И жил у них в батраках молодой парень по имени Тыну, работал по дому и в поле, один был за мужика. В народе говорят, коль хозяина в доме нету — добра не видать. А тут было не так. Тыну не хуже хозяина и добро берег, и работу делал, и во всем был хозяйке подмога.

Так и жили. Да вот помаленьку стал батрак примечать: не больно-то ценит хозяйка его старанье. Кормит не густо, одевает бог знает во что да еще и корит, понукает без устали. Он и махнул на свое старанье рукой, мол, чем мы хуже других. Стал работать спустя рукава или вовсе отлынивать, а вот поспать иль поесть — это пожалуйста. Плохие пошли дела на хуторе Муравьином. Поля не родят, скот захирел, утварь, какая была, поизломалась. Но вот что удивительно: видит Тыну, что весь этот упадок вроде обходит хозяйский дом стороной, — закрома полны по-прежнему отборным зерном и деньги не переводятся. И как ни ломал Тыну голову, ничего не придумал. Так и не знал бы, кабы дело само не открылось.

Как-то рылся он на чердаке в куче старого хлама, подбирал себе лоскуток на заплатку. Вдруг видит: идет хозяйка, под передником блюдо какое-то прячет, а сама

таится, оглядывается по сторонам. Полезла она на чердак. Тыну-батрак скорее под скат, в темный угол, затаился там и глядит, что хозяйка будет делать. Тийю поставила блюдо в угол, еще раз оглянулась и крадучись вернулась в дом. Тыну скорее к этому блюду. Видит, полно оно рассыпчатой каши, сверху глазки топленого масла плавают. Сам-то он пообедал недавно, да разве с черствой краюшки, с рыбного рассола да сыворотки сыт будешь? Тыну и умял всю кашу, аж за ушами трещало. Но, видать, не привык батрак к такому обеду, схватило ему живот, хоть кричи. Он и облегчился прямо в это же блюдо, вот как приспичило!

Едва он это сделал и опять в свой угол спрятался, — глядь, выскакивают из дымохода два чертенка, бесенята, нечистая сила или как их там называют. И напрямик к этому блюду. Принялся один жрать, да как запищит:

— Хватун, Хватун! Это не каша! Это бяка, попробуй!

Второй попробовал, говорит:

— Не ври, Пискун, каша!

— А вот и нет, а вот и нет! — еще пуще завопил Пискун.

Хватун еще раз попробовал и с ним согласился.

Батрак в своем углу чуть со смеху не помер.

Тут он слышит: собираются бесы хозяйке в отместку дом подпалить. А сами, мол, потом спрячутся в старое колесо, которое на дворе валяется, в ступицу залезут.

И точно, подпалили они крышу с двух сторон своими огненными хвостами и были таковы.

Батрак едва успел из пламени выскочить, хозяйку поскорей на двор вызвал, маленькую Вийю вытащил, а дом уж весь занялся. Хозяйка перепугалась, не знает что делать. А Тыну не растерялся: схватил то самое колесо и в огонь бросил. Тут раздался страшный гром, как пушка ударила, и пожар вмиг потух, будто вылили

на него целое озеро воды. Тут и Тийю, видать, догадалась, откуда такая беда.

Так Тыну-батрак спас свою хозяйку от нечистой силы, и в благодарность за это говорит ему Тийю, мол, бери меня в жены. Что же, Тыну тож был не дурак: разом жену получил богатую да пригожую, стал хозяином в доме, а своей бывшей хозяйке сам стал кормильцем.

И славно зажили они на своем хуторе. Тийю на мужа не нарадуется, подкладывает за обедом куски пожирней, постель стелет помягче, одевает во все самое лучшее. Тыну в неге да в холе, статен, собою пригож и в работе хват — первый встает, последний ложится. В округе нет лучше Тыну хозяина, нет жены сноровистой, чем Тийю.

Впервые черная кошка пробежала меж ними на исходе первого года: не принес аист маленькой Вийю ни сестрички, ни братца. После этого жизнь у них не так складно пошла, все чаще раздоры да ругань. Да тут еще гадалки, старые ведьмы, пророчат: не ждите, мол, прибавленья, не будет у маленькой Вийю ни сестрички, ни братца. После этого черная кошка будто поселилась у них в доме навсегда.

Однажды повздорили в очередной раз, и Тийю в сердцах, а может и с умыслом, и говорит: «Был ты беден, как церковная мышь, а я тебя пригрела, в дом приняла». Он все бы стерпел, хоть исподнее у него заberi, а тут, выходит, он хлеб чужой ест. И это жена говорит, родная жена! Такого не мог стерпеть бедный Тыну. Как ножом полоснула душу обида, пропал аппетит, ушло бывшее рвенье в работе, потерял он покой. На груди будто змея поселилась, жалит-кусает: «Церковная мышь!.. Нахлебник!..» Все ему с тех пор опротивело — и хозяйство, и семейный очаг.

Как-то случилось ему проезжать по делам мимо корчмы. В округе называли ту корчму Торфяной. Был Тыну по обыкновению погружен в свои невеселые думы и не заметил, как лошадь сама свернула к корчме. Он долго сидел в санях, что твой чурбан. В голове свербило все то ж: «Нахлебник... Церковная крыса...»

Народ в корчме потешался, глядя из дверей, а он все сидел, не замечал ничего.

— Эй, приятель, заснул, что ли? — подойдя, крикнул ему корчмарь в самое ухо. — Иди в дом, застынешь!

Тыну опомнился и сделал вид, что он, мол, и ехал в корчму, погулять, мол, ему захотелось.

Скоро он пропил все деньги, какие были с собой. Велел еще подать, а корчмарь в ответ, мол, в долг не подносим. И велел усадить Тыну в сани и отвезти домой.

Дома встречает Тыну его половина — как всегда криком и бранью. Даже чужому, ни в чем не повинному человеку, который Тыну привез домой, и то досталось под первое число.

На другой день проснулся Тыну в тяжелом похмелье. Он готов был проклясть все кабаки на свете, а тут опять явилась постылая жена с обычной бранью, и его мысли снова устремились к корчме...

С этих пор Тыну хозяйство совсем забросил, и все пошло у них через пень-колоду. Уже через год дела на хуторе были так плохи, что Тыну пришлось ответ держать перед властями. Всыпали ему батогов, но и это не помогло. Едва зажили рубцы на спине, так что он мог рубаху надеть, как снова его в Торфяную корчму потянуло.

Взял он под мышку мешок зерна из последних запасов, а вернулся рано, и совсем трезвый. Он ждал, что Тийю снова набросится на него с попреками, и удивился, когда она смиренно сказала:

— Тыну, о нас бы подумал! Попробовал бы как-нибудь жизнь-то наладить!

— Что же я сделаю, Тийю? — вырвалось у него из груди. И все ж он почувствовал облегчение, будто камень свалился с души, будто он уж нашел способ, как совладать с бедой.

А Тийю вдруг говорит:

— Тыну, тебе надо... этого... беса сделать.

В испуге отпрянул Тыну, уставился на жену, будто сам ужасный хозяин преисподней возник перед ним. В его широко раскрытых глазах стояли недоверье и страх: не насмехается ли Тийю опять, не рехнулась ли она в самом деле?

А Тийю опять свое, сделай да сделай ей беса.

Тыну так и застыл с открытым ртом.

— К-как б-беса? — спросил он наконец, по-прежнему ничего не понимая, но хотя в том уверившись, что Тийю не шутит.

— Я тебе в третий раз говорю, беса, самого настоящего беса надо тебе смастерить. — И добавила:

— Неужто, Тыну, это такое уж трудное дело? Али душу запродать черту боишься? К лицу ль мужику такое? Другие, гляди, хоть бы что об заклад с чертом бьются и душу свою ухитряются уберечь от адских пут. Но то мужики, не тебе, трусу, чета!..

Тут она спохватилась, язычок прикусила, слова обидные придержала, едва не слетевшие с уст, и тихо продолжала:

— Тыну! Вот слушай, давно это было. Дядя-то Ару, он как от нечистой силы убежал? Он приказал своему бесенку, чтоб тот ему деньги таскал в дырявый картуз. А картуз-то в сенях на скамейке приладил по-хитрому, деньги и сыпались помаленьку на пол, а дядя их подбирал. Бес-то таскает деньгу, таскает, а картуз все не полон! Завыл он с досады: все, мол, обегал, обчистил своих до последнего грошика, твоя, мол, взяла! Ну, а

раз так — долой уговор. И Нечистый утерся — не видать ему души дядиной как своих рогов!

И, сказав это, вышла из комнаты, на мужа и не взглянула.

Назавтра с утра принялся Тыну за дело. Как раз был четверг, и к вечеру он думал управиться. Перво-наперво смастерил крестовину: взял ивовый кол — это будет бесу хребет, поперек рябиновую перекладину — плечи. Потом сделал голову из бычьего пузыря, набил ее старой свалявшейся пряжей, снизу два черепка приладил и вместо хвоста — метелку еловую, а требуху из обрывков упряжи сплел. Потом одел это чучело в драный тулуп — и вышел бес по всем правилам, как чернокнижники учат. Только души не хватало.

«Ночью поставлю его на распутье дорог. Там сам Нечистый в него душу вдунет. А не придет на мой зов с первого разу иль со второго, на третий уж явится точно, не врала же старая ведьма», — подумал Тыну, довольно оглядывая дело рук своих.

Три недели Тыну прилежно работал в дому и в поле. А как приходил четверг, он отправлялся под вечер на распутье дорог к Береговому лесу и ставил там свое чучело. Первые два раза Рогатый не появился. На третий, значит, придет обязательно, как предсказывала старая карга. Пришел Тыну на место, трижды черта позвал. Но никто не явился, не отозвался на его зов. Тыну хотел было уходить восвояси, подумав, что дело, видать, сорвалось, а может, Нечистый побоялся с Тыну дело иметь, как вдруг раздался страшный шум, грохот, вой. С испугом увидел он, как деревья разом склонили кроны, будто слуги перед своим господином. Шум приближался к распутью дорог. От страху волосы у него стали дыбом, затряслися поджилки.

— А ну его к лешему, это чучело, хватит с меня! — решил Тыну и хотел было дать стрекача с проклятого

места, но не мог и шагу шагнуть, ноги к земле как приросли.

И тут же раздался то ли с неба, то ли из-под земли страшный и вроде насмешливый голос:

— погоди бежать, парень! Скажи сперва, чего тебе надобно? Не шутики же ради три дня ты сюда приходил, меня вызывал!

А Тыну со страху ни слова сказать.

— Ну живей, молодец! Не люблю я время терять понапрасну! — снова раздался ужасный, гулкий, как со дна колодца, голос.

Тыну осмелился наконец взглянуть на пришельца. Огромное волосатое страшило стояло пред ним. Из рта с каждым словом вырывались клубы дыма, глаза искры метали.

— Вижу, пришел ты просить, чтоб я оживил твоего самодельного беса. Ну хорошо, Тыну. Коль хочешь, бьем по рукам на пять лет. Не хочешь — катись подобру-поздорову! С такими, как ты, не оберешься хлопот, себе же дороже выйдет!

— Слушай, нечистая сила, иль как там тебя еще кличут, — храбрится Тыну. — На пять-то лет не мало ли будет?

— Говорю, не хочешь — не надо. Проваливай! Жена, небось, шкуру спустит, что струсил и дело все загубил! — издевается тот.

Тыну подумал: «Ах ты, старый злодей, а ведь правда твоя! Тийю ни за что не поверит, договориться, мол, не могли, на сроке, вишь, не сошлись. Побоялся, скажет, и все!»

— А ты ведь, я знаю, пьяница горький, — продолжает Нечистый, будто угадав мысли Тыну. — Того и гляди помрешь с перепоею, вот и выйдет, задаром я тебе услужу. Нет, уговор на пять лет, и дело с концом! По рукам?

— Накинь хоть пару годков! — торгуется Тыну.

— Никак не могу, последнее слово!

Тыну подумал еще чуток и махнул рукой:

— А, была не была!

— Ну, по рукам? — прохрипел Рогатый.

И Тыну вложил свою руку в огромную мохнатую лапу Нечистого.

— По рукам! — развеселился тот.

— По рукам! — скрепил Тыну свое согласие, а сам подумал: «Ну погоди, дубина, уж я постараюсь прежде срока избавиться от тебя. И от беса избавлюсь, пускай только мне натаскает добра, да зерна, да серебра-злата».

— Дай мне крови из указательного пальца, я тут твое имя поставлю, — потребовал черт, выхватывая из-за пазухи свиток из козлиной кожи.

Тыну вытащил нож, уколол себе указательный палец, выдавил пару капель, и Нечистый написал этой кровью на коже имя Тыну, аккуратно свернул свиток и спрятал за пазуху.

— Через пять лет жди, приду за угощением! — прогоготал он напоследок и враз провалился сквозь землю. Лишь струйка дыма осталась на том месте, где он стоял, медленно тая в воздухе на глазах у изумленного Тыну.

— Что прикажешь, хозяин? — вдруг услышал он странный, стрекочущий голос подле себя.

Глядит — это бес, сделанный им, стоит и по-собачьи виляет своей еловой метелкой.

— Бутыль самого лучшего хлеба! — крикнул батрак, сам не зная с чего.

Не успел он и глазом моргнуть, как у самых губ оказалась большая бутыль и сама опрокинулась кверху дном. Единым разом вылебал он полбутыли, дух перевел и опорожнил ее всю. Оно и видать, три недели не пил, жажда замучила. И тут же свалился мешком на

дорогу и заснул мертвецким сном. Только на другой день его разбудил какой-то путник.

С этих пор не было на Муравьином хуторе недостатка ни в чем. Батраки, поденщики, сезонщики делали всю работу, а Тыну дни и ночи искал утешенья в вине, все думал, как ему спасти свою душу. Да все понапрасну — бес-то хитер оказался. Он все исполнял, что хозяин прикажет, все подвохи разгадывал, какие Тыну пытался ему подстроить.

Поняв, что беса ему не прижать, махнул Тыну рукою на все, стал топить свое горе в вине, в нем погибель искать. Вино приносило забвенье, но ненадолго.

Так пролетело пять лет, и когда наступил урочный день, ни вино, ни брага, ни страх смерти не исторг из его груди ни единого стога. Поняв, что делу уже не поможешь, Тыну решил хоть со свету уйти достойно, как все. Он отослал всех домочадцев из дома, чтоб встретиться с Нечистым один на один. А вот о маленькой Вийю забыл, она как раз была на току, грелась там на сушильне. Тыну притащил в дом охапку соломы, разостлал на полу, улегся и стал смерти ждать. В те времена все эстонцы встречали свой смертный час на соломе — правый и виноватый, богатый и бедный, хозяин там или батрак.

Едва он улегся, как в комнату входят три мужика с ужасными рожами и сразу к нему: один сел на ноги, другой грудь оседлал, сдавил горло ручищами, а третий склонился над изголовьем, держа наготове мешочек из бычьего пузыря. И вот уж душа несчастного батрака затрепыхалась в мешочке за пазухой у третьего мужика в ожидании адских мук. Не говоря ни слова, эти разбойники раздели усопшего, содрали с него кожу и давай примерять на себя.

Первый примерил — ему она оказалась тесна, другому велика, а третьему прилась как раз впору.

Тогда первые двое, прихватив с собою тело умершего, ушли, а третий надел на себя одежду Тыну и улегся вместо него на солому будто покойник.

Пришли домочадцы, видят, Тыну умер, а маленькая Вийю без памяти. Ну, мертвого не воскресишь, а маленькая Вийю помаленьку опомнилась, и когда напоили ее водою с доньшка перевернутой бутылки, поведала матери все, что видала. Тийю же крепко ей наказала никому о том не рассказывать.

На третий день похоронили Тыну, как и всех честных людей, как будто ничего особенного и не случилось.

Прошло время. Сидели раз Тийю с маленькой Вийю дома одни. Мать пряжу пряла, дочурка кудель чесала. Ничто не нарушало вечернего покоя, лишь жужжала прялка да раздавалось пенье сверчка. Мать и дочурка работали молча. Наконец дочке надоело молчать.

— Мамочка, расскажи сказку, — попросила она.

— Сказку? Да я и не помню их, сказок-то.

— Помнишь, помнишь! Мамочка, милая, расскажи!

— Ну ладно. Зажги-ка новую лучину, эта вон догорела.

С треском разгорелась лучина, и Тийю принялась за рассказ.

— Жила в нашей деревне одна семья. Дом их в ту пору стоял на отшибе, в полверсте от деревни, у леса. И жила в той семье сиротка по имени Кати. Она только на свет появилась, как мать у ней померла. Росла она одна у отца, и годков ей было как и тебе. Уехал раз отец с обозом, и осталась Кати в дому одна. Вечером приходят к ней посидеть четыре девушки, прялки приносят, все компания. Ну и хорошо. Прядут за разговором, сказки рассказывают, а больше все о девушках да парнях, да и прочих не забывают. Вдруг входят четыре парня. Двое с гармошками, один с волынкой да еще один со скрипкой. Ни слова не говоря, садятся они по лавкам и давай играть да шутки шутить. Девушкам они по нраву пришлись — веселые, статные, чего еще надо! Только вот, поглядеть, дак зубы у них вроде чуток длинноваты, а так ничего. Маленькая Кати во все глаза на них глядит. Вдруг примечает: у парней-то с-под кафтану у каждого лисий хвост торчит! Она девушкам потихоньку показывает, а те, зная, не видят, смеются только. Тут парни стали играть в очередь, один играет — другие с девушками танцы танцуют. Жарко стало парням, и

просят они напиться. А в доме, как на грех, нету воды. Девушкам неохота, лень им в деревню идти, ну и послали Кати. Ну, Кати пошла. Через какое-то время приходит с водой, глядь, а в дому никого, тех-то и след простыл. А на полу — клочки девичьих волос и одежды лоскутья! Парни-то те не парни, а черти, знать, были! Они и девушек съели, что те поленились, в деревню-то не пошли...

— Мама, мама! — закричала вдруг маленькая Вийю. — Слышишь, козел бродит в сенях? Слышишь, топочет: топ-топ, топ-топ...

— Успокойся, малышка! Откуда в сенях взяться козлу? — сказала Тийю, прислушавшись. — Это ветер дверью стучит.

И опять зажужжала прялка, понемногу выбирая с ворсилки мягкую кудель, да чесалка пошла поскрипывать в руках у маленькой Вийю.

— Мама! Неужто не слышишь? Там козел в сенях бродит, копыта стучат! — вдруг опять закричало дитя, бросив чесалку и прижавшись к матери своим маленьким тельцем.

Мать одною рукою остановила прялку, другою дочь обняла, прислушалась.

Нет, ничего не слышать!

— Дитяtko, уж не захворала ли ты? Ведь ты у меня не из пугливых, не боишься всякого вздору. А ну-ка, нету ли жара у моей ненаглядной дочурки? — и Тийю погладила малышку по белобрысой головке и, отведя прядки волос, пощупала лобик.

Жару вроде бы не было, но Вийю дрожала всем телом, хотя печку топили недавно и в комнате было тепло.

— Может, сказка тебя напугала? — спросила Тийю, взяв дочку на руки и нежно целуя.

— Мама! Mamочка! Козел уже сени прошел, за дверями стоит! — опять закричала малышка, крепко

обняв мать за шею и дрожа как осиновый листок.

И едва она это сказала, как заскрипела наружная дверь, потом распахнулась с шумом вторая, и в комнату вошел Тыну.

— Тийю, ссади Вийю на пол! — заорал он с порога.

— Мамочка, милая! Не спускай меня с рук, папа тебя укусит! — взмолилась малышка.

— Не спущу, не спущу, доченька, — погладила Тийю дитя, крепко прижимая к груди. Сердце у нее так колотилось, вот-вот выскочит.

— Тийю! Сбрось ее на пол! — зарычал Тыну ужасающим голосом.

— Ни за что! Убирайся к себе на кладбище, откуда тебя сам черт отпустил! — говорит Тийю, собравшись с последними силами.

Тут пропел на насесте петух.

Заскрежетав зубами, бросился Тыну вон. Тут и Тийю услышала стук козменных копыт в сенях и за порогом.

И потом много раз слышала маленькая Вийю топот за дверьми, но никто не явился, потому что и другие люди были в доме.

Но вот через какое-то время опять они остались одни. Топилась печь, и малышка Вийю тихо сидела в своем уголке, а Тийю у печки. Она рассказывала дочке сказку про то, откуда на свете взялся дым.

— Давным-давно не было у огня ни дыму, ни копоти, — начала она свой рассказ. — И была теплая летняя ночь. Все в природе дремало: люди в своих лачугах, отдыхая от дневных трудов, скот в стойлах и хлевах, жуя свою жвачку. Одна только Сырая долина не угомонилась. А все люди, кто же еще не дает природе покою! Там у Мокрого леса костер горел, пастухи были в ночном. Сидели они вокруг огня, вели потихоньку беседу. Как раз бросили они в костер хворосту последнюю охапку, и один уж хотел в лес за новым

идти. Вдруг слышат: в лесу будто плач какой или стон раздаётся.

Прислушались пастухи, которые и на ноги повскакали. А плач этот все ближе.

— Что там такое стряслось? — удивлялись они.

А лес отзывается эхом:

— У-у, у-у...

— Может, дух лесной? Аль лешачиха? — гадают они.

И сами ж в ответ:

— Вроде не то. Леший жалобно воет, а лешачиха не может быть, плачет-то вроде мужик!

А плач все ближе, уже на опушке. Шаги чьи-то слышать, ветки трещат. Все туда глядят.

— У-у, у-у! — уже совсем близко, и выходит из лесу кто-то большой, черный такой. Плачет, вздыхает, подходит к огню. А сам все ох да ах, у-у да у-у.

Пастухи подивились. Это мужик был, огромный, с большой бородой.

И тут смех их одолел. Плакальщик-то этот знаешь кто был? Это был сам Нечистый.

— Эй, старина, чего воешь, какая беда?

— Мать что ль, по шеям надавала?

— Али бабка мерку сымала, что остались портки в красную полоску?

Тут он не то что заплакал — завыл во всю мочь. Рожу руками закрыл, к огню на корточки сел, согнулся в три погибели. Слезы текут в три ручья, по рукам, по бороде.

Пастухи ну еще пуще смеяться да зубоскалить. Потом он поутих, его и спрашивают, что у него за горе. Черт утирается, носом сопит:

— О-ох, ох... у-у-у... померла... ох... ба-а-бка... померла-а-а!..

Тут пастухи так зареготали, что и про бедного чертяку забыли совсем. Один говорит:

— Парни, а он, ей-богу, не врет. Намедни мне один наш пастух сказывал: у Аннуса-то, из Железной Дыры, и впрямь пропала белая кобыла. В болоте утопла. А это-то, горемыка чертов, как раз оттуда идет со слегою! Эй, приятель, дак это бабка твоя, что ли, была?

И опять пошла потеха.

Отнял он от лица руки и говорит:

— Вам бы меня пожалеть, а не шутки шутить!

Такие слова пастухам не по нраву пришлись:

Ишь, сирота отыскался!

— Видали! Хочет, зверюга, чтоб мы по евонной старухе пролили слезу!

— А дубины не хошь?

Нечистый тут обозлился.

— Не хотите добром, — говорит, — силой заставлю заплакать.

— Ого! А ну-ка заставь!

Тот, не говоря больше ни слова, как на корточках был, поворотился задом к огню. И сразу оттуда пошел шип да смрад, будто змеиный клубок в огонь бросили. Поднялось синее облако и тут же прянуло вниз, никто и отскочить не успел. И защипало у всех в носу, потекли слезы из глаз.

— Ну что, заревели? — Нечистый злорадствует. — Плачьте теперь до скончанья веков, вы и все, кто будет за вами! — И в лес сиганул.

С той поры и повелось: где огонь, там и дым, — закончила Тийю. — Вот дым-то откуда взялся на свете.

— А теперь, дочка, зажги-ка лучину, пойдем в заднюю комнату. Ты пряжу будешь мотать, а я заштопаю пару носок.

Пошли они в заднюю комнату.

— Мама, мама! — крикнула вдруг Вийю. И не успела она мотовило отставить, к матери подбежать, как дверь распахнулась настежь и появился Тыну. Это так быстро все сделалось, что даже кудлатый Мури не успел

зарычать, куры на насесте не шелохнулись. Мать с дочкой на своих местах так и застыли.

Мертвец, видя это, приказывает:

— Тийю, ну-ка поищи у меня в голове!

Делать нечего, пришлось ей подчиниться.

А маленькая Вийю шепчет ей потихоньку:

— Мама, гляди, какие у папы большие зубы!

Тийю будто что вспомнила:

— Сейчас, Тыну, не гневайся, погоди чуток. Я только схожу кашу проверю, а то пригорит.

А каша в котле варилась, на крытом гумне.

— Дай-ка вожжи, я тебя привяжу, а то еще выйдешь на волю.

Тийю сняла с гвоздя вожжи, подала Тыну. Тот привязал ее за руку, а другой конец сам держит, не выпускает. Так на привязи и пошла Тийю через порог, на гумно.

Время идет, Тыну на дверь косится, а Тийю все нет. Он дернул вожжу, потянул — нет, не идет.

— Тийю, иди сюда! — зарычал он в дикой злобе.

А вместо ответа раздалось с гумна петушиное пенье.

Заскрежетав своими ужасными зубами, вскочил мертвец на ноги и дернул вожжу изо всех сил. А там кто-то сопит, пыхтит, упирается в высокий порог. Вурдалак, остервенясь, так стал тянуть, что чуть не лопнул с натуги. Наконец на пороге, пыхтя и упираясь, появился кто-то живой.

Тут петух пропел во второй раз. Зарычав, бросился вурдалак к двери, сгреб того, кто там был, в охапку и сгинул как ветер. Тут пропел петух в третий раз.

А немного погода вернулась в комнату Тийю. Она дрожала и была бледна, как полотно, а все же улыбалась счастливо. Целуя напуганную Вийю, она рассказала, что привязала вместо себя к вожже козу, которую недавно в дом привели, а сама залезла под насест. Вурдалак-то в спешке не разглядел и уволок козу вместо Тийю.

С тех пор он пропал навсегда.

Людская молва правду ль сказывает или нет — поди разбери, а только с тех пор Муравьиный хутор зовут в народе Бесовым хутором, а Тыну-батрака — Тыну Бесом.

Аугуст Якобсон

Смерть работает кузнецом

В давние времена было на свете семьдесят семь болезней и семьдесят семь смертей. У каждой болезни своя смерть, у каждой смерти угольно-черные крылья.

Однажды в тяжелый неурожайный год послал Старик на землю сразу все семьдесят семь смертей и сказал каждой смерти, сколько людей она должна свести в могилу.

Семьдесят шесть смертей без всякой пощады выполнили приказ Старика, но семьдесят седьмая смерть никак не могла справиться со своей задачей. Дело в том, что она была слишком мягкосердечна: то ей было жаль одного человека, то другого, то она не решалась умертвить того, то другого, кто был нищетой и голодом, казался, обречен смерти. Вот ей и пришлось еще долго после своих подруг бродить по земле потому, что ей не хватало еще одной души, а без этой недостающей души нельзя было и думать появиться перед Стариком.

Однажды она собралась с силами, ожесточила свое сердце и явилась в дом старого столяра, единственного сына которого она уже давно заприметила. Она подошла к изголовью кровати мальчика, как это в таких случаях было принято у нее и ее подруг. Больному мальчику сразу стало очень плохо, и он потерял сознание.

Бедные родители громко плакали и молили судьбу, чтобы она пощадила их единственного ребенка. И от этой жалобной мольбы в сердце семьдесят седьмой смерти растаяла холодная жестокость, она не выдержала, отошла от изголовья ребенка и встала в

ногах. И больной сразу стал выздоравливать и уже на следующий день благополучно встал с постели.

Семьдесят седьмая смерть не знала, что теперь делать, и решила:

— Будь что будет, пойду сейчас прямо к Старику и расскажу, как это случилось!

Выслушав семьдесят седьмую смерть, Старик очень разозлился — он сердито топнул ногой, снял со стены огромные ножницы и обрезал угольно-черные крылья семьдесят седьмой смерти. Потом погрозил пальцем и сказал:

— Смотри у меня, вот ты что наделала! А теперь не иначе как придется тебе сразу вернуться на землю, стать человеком и научиться жестокосердию! Как только научишься, вернешься сюда и получишь свою прежнюю должность.

Семьдесят седьмая смерть покорно поклонилась и сделала, как было приказано. Вернулась на землю, бродила по свету, искала, где бы научиться жестокосердию.

Но это оказалось не так-то легко! Где бы она ни странствовала, к кому бы ни приглядывалась, никак ей не удавалось встретить того, кто ни разу не пожалел о содеянном, чье сердце всегда оставалось холодным.

Наконец добралась семьдесят седьмая смерть до какой-то деревенской кузницы. Остановилась у двери, заглянула: высокий бородатый мужик ковал кусок раскаленного железа и делал это так хладнокровно и решительно, словно и не слышал, как железо стонало под ударами молота и тысячи искр с шипением разлетались и в отчаянии угасали на полу или на кожаном фартуке кузнеца. И тогда семьдесят седьмая смерть решила попроситься к кузнецу в подмастерья и научиться быть такой же решительной и хладнокровной, каким ей представлялся старый бородатый кузнец.

Семьдесят седьмая смерть встала рядом с кузнецом к горну и проработала в кузнице целых три года. Всякая работа у нее спорилась — ковала ли она большим молотом огромные куски железа, делала ли тонкую кузнечную работу, поддувала ли мехи, так что они только стонали и ухали, закаляла ли горячую сталь, не боясь жалобного шипения холодной воды, тем временем как над горном роились облака пара! Старый кузнец был очень доволен своим подручным и платил больше, чем прежним помощникам.

Только одно по-прежнему тревожило семьдесят седьмую смерть: крылья у нее все еще ни чуточки не выросли! И в конце концов она решилась рассказать о своей беде кузнецу. Сказала, кто она такая, и объяснила, на каких условиях Старик позволит ей вернуться на прежнюю работу.

Бородатый кузнец внимательно выслушал своего подручного, задумчиво опустил голову и сказал:

— Ох, дружище, выходит, что ты напрасно тратишь время. У нас, кузнецов, тебе нечему учиться. Мы куем железо и делаем из него разные вещи не от жестокости, а от любви. И совсем не правда, что железо у нас под руками страдает, что наковальня стонет под ударами молота, что мехи охают, жалуясь на усталость — все это тебе только кажется! Все они поют от радости! Мой тебе совет — махни рукой на свою прежнюю должность и оставайся навсегда кузнецом! Жаль было бы потерять тебя и отпустить на твою прежнюю замогильную должность.

Семьдесят седьмая смерть подумала-подумала и махнула рукой на свою прежнюю должность: пусть ею занимаются те, кто больше ни на что не годен! И разве возможно научиться жестокосердию, если у тебя в груди доброе, любящее сердце.

Говорят, что кузнецы такие сильные люди и так долго живут именно потому, что они своим тяжелым

трудом приносят людям много добра.

Аугуст Якобсон

Как старый Яагуп обманул смерть

Водном селе жил когда-то очень хитрый и умный дед. Звали его Яагуп. Когда Яагупу исполнилось сто лет, пришла за ним Смерть. Пришла, значит, за ним — вошла во двор, постучала в окошко и позвала громким голосом:

— Яагуп, эй, Яагуп, ты меня слышишь?

Яагуп сильно испугался, но виду не подал и ответил:

— Слышу, слышу, тетенька Смерть. Носишься-носишься тут, как овод... Разве за тобой кто-то гонится?

— Твое время пришло, давай, собирайся! — сказала Смерть.

А Яагуп был еще крепким и здоровым стариком, и ему было жаль расставаться с жизнью. Поэтому он попытался спорить:

— Нет, тетенька Смерть, мое время совсем не пришло. Рановато мне собираться, рановато!

— Не говори глупостей, какое там рановато! Ты и твоя старуха отжили на свете за нескольких людей. Таким жадным тоже нельзя быть! — возразила Смерть.

Когда Яагуп понял, что спором тут не поможешь, он решился на хитрость. Пригласил Смерть в дом, усадил ее на стул, спросил, как поживает ее семья, предложил из своего кисета табаку. И наконец униженно взмолился, чтобы Смерть дала ему время хотя бы поставить пиво, чтобы люди могли угоститься, когда будут справлять по нем поминки.

Сначала Смерть возражала, а потом махнула рукой, улыбнулась и согласилась:

— Ну, так и быть, раз тебе хочется, чтобы после твоих похорон соседи напились твоим пивом! Только

поторапливайся, чтобы мне из-за тебя неприятностей не было.

— Да что ты! Знаешь пословицу: бери быка за рога, а мужика лови на слове, раз я обещал, то уж не подведу тебя, — засмеялся Яагуп. — У меня солод с Иванова дня остался, так что завтра к утру пиво будет обязательно готово.

И Яагуп действительно к утру наварил пива, да такого, какого не приходилось пробовать даже тем соседям, что в городах побывали.

Только наступил вечер, Смерть вновь явилась под окно и, как и в прошлый раз, позвала:

— Яагуп, эй, Яагуп, ты меня слышишь?

— Слышу, тетенька Смерть, почему бы не слышать, ведь не глухой же я! — ответил Яагуп. — Значит, ты уже прибыла?

— Прибыла, прибыла. Только вот готово ли твое пиво, если готово, то мы сразу отправимся.

— Пиво-то готово. Только ты зайди в дом, подожди, пока я новые лапти надену, ведь путь-то у нас не к соседу на беседу.

— Путь не малый, что правда, то правда, — согласилась Смерть и вошла в дом.

— Посиди, отдохни, — сказал Яагуп. — И может быть, согласишься отведать моего ячменного пивца?

— Что же, это можно! От суеты да спешки в горле пересохло! — охотно согласилась Смерть, уселась за стол и одним духом выпила целую кружку пива.

Но этого ей показалось мало и до смерти усталая Смерть попросила добавки. Она осушила вторую кружку, потом третью — было жарко, и Смерти приятно было освежиться.

Так, с удовольствием попивая крепкое пиво Старого Яагупа, Смерть скоро совсем опьянела, хохотала так, что стены дрожали, стучала кулаком по столу, распевала песни и наконец позвала Яагупову старуху

плясать. Когда она совсем опьянела, Ягуп поставил на стол еще одну большую кружку пива, угостил Смерть соленой салакой и попросил, чтобы Смерть дала ему еще хоть немножко пожить.

Смерть была в очень веселом настроении. Она притопнула костлявой ногой, и наслаждаясь своей властью, сказала:

— Знай себе клянчишь! Ну, скажи-ка, братец, откровенно — сколько бы ты хотел еще пожить?

— Ну, немного, я бы был рад, если мы со старухой прожили еще хотя бы годков сто, — ответил Яагуп.

— Ладно! Вот моя рука, дружище Яагуп!

— Будь здорова и большое спасибо, тетушка Смерть!

Смерть пиновала у Яагупа до восхода солнца, потом тут же, за столом, немного вздремнула и, наконец, горланя песню, отправилась своей дорогой. А хитрый старый Яагуп со своей старухой жил да поживал и не боялся ни болезней, ни неожиданных бед. Он был твердо уверен, что договор заключен крепко-накрепко.

Но вот минуло еще почти сто лет, и Яагуп опять стал опасаться, что Смерть вскоре снова постучит к нему в окошко! Он не находил покоя и в великом смятении пошел к мудрецу посоветоваться.

Мудрец внимательно выслушал старого Яагупа, но отнесся к его рассказу недоверчиво.

— Выходит, значит, что вам со старухой по двести лет?

— Совершенно верно, нам по двести лет, — ответил Яагуп.

Мудрец подумал-подумал, нахмурился, почесал в затылке и, наконец, сказал:

— Не бойся, хитрец, раз уж ты сумел уговорить Смерть сам, без посторонней помощи, то уж теперь-то мы вдвоем обязательно придумаем, как помочь беде. Отправляйся спокойно домой и закажи у кузнеца самый прочный железный стул. Когда придет день смерти, обкури стул полынным дымом и натри его корнем лапчатки, растопи печку и поставь стул так, чтобы на него светил огонь из печи. Потом пригласи Смерть погреться у очага — она ведь тощая, постоянно зябнет... тогда и посмотрим, что из этого выйдет.

Яагуп поблагодарил мудреца и сделал все, как тот велел: заказал у кузнеца железный стул, обкурил его полынным дымом, натер корнем лапчатки, затопил

печку и подвинул стул к печной дверке. Потом выглянул в окно, посмотрел на дорогу и увидел, что Смерть уже шагает с горы.

Смерть вошла во двор, постучала посохом в окно и позвала:

— Яагуп, эй, Яагуп! Ты меня слышишь?

— Слышу, тетушка Смерть, слышу. У меня на то и уши, чтобы слушать! — ответил Яагуп.

— Ну-ка, поторапливайся, да поживее, и давай-ка побыстрее отправимся в дорогу, — ведь и эти сто лет миновали!

— Да, миновали, нечистая сила, или как тебя величать! — кивнул Яагуп, — присядь-ка, отдохни маленько, погрейся у печки, а я пока саван надену.

Уставшая с дороги Смерть охотно согласилась, уселась на стул к печке, а Яагуп тем временем отправился в каморку надевать саван. Вскоре он вернулся в комнату и сказал:

— Ну, тетушка Смерть, теперь пошли!

— Прекрасно, друг Яагуп, пошли! — воскликнула Смерть и хотела встать со стула.

Но не тут-то было! Хочет она встать, но ничего из этого не выходит: ноги словно приросли к земле, спинка стула обхватила, словно клещами. Попыталась Смерть встать, еще раз попыталась — никакого толку. И, наконец, взмолилась:

— Что это за шутки, Яагуп! У тебя в бороде седина, а ведешь себя как мальчишка! Будь добр, освободи меня!

— А чем ты, тетушка, меня отблагодаришь, если я тебя вызволю из беды? — спросил Яагуп, раскуривая трубку и улыбаясь.

— Получайте еще по пять лет жизни — и ты и твоя старуха! — предложила Смерть.

— Не хочу, этого нам мало, — ответил Яагуп.

— Ну, тогда по десять! — предложила Смерть.

— Все равно мало, — ответил Яагуп.

— Бери по двадцать! — предложила Смерть.

— Ну какая разница — пять или двадцать! Эти годы пролетят, как птицы, — ответил Яагуп. И торговался до тех пор, пока Смерть не пообещала еще по сто лет жизни. Только после этого старик отправился к мудрецу, привел его к себе и попросил отпустить Смерть.

Смерть ужасно рассердилась за то, что ее так провели, плюнула и пошла своей дорогой. Только в воротах она обернулась, погрозила костлявым пальцем и сказала:

— Плут, старый Яагуп, большой плут! Разве можно так подводить друзей! Погоди-погоди, уж ты, плут, меня больше не проведешь, когда я через сто лет за тобой явлюсь.

Хитрый старый Яагуп и его старуха прожили без всяких забот еще сто лет. Вокруг них рождались, вырастали, старели и умирали люди, а они все жили и жили, не боясь ни болезней, ни бед.

Когда же миновали и эти сто лет, Яагуп почувствовал себя настолько уставшим от долгой жизни, что сказал своей старухе:

— Ладно, теперь достаточно и мне да и тебе!

— Достаточно, Яагуп, достаточно! — согласилась старуха.

И когда Смерть в третий раз пришла к ним, они встретили ее у ворот и поздоровались с гостьей за руку.

И Яагуп сказал:

— Ну, пошли, пора в дальнюю дорогу! Ты не сердись, дружище Смерть, что я тебя столько раз подводил, но ведь жить и трудиться на земле так хорошо.

— Ну что ты, Яагуп, с чего бы мне на тебя сердиться! И я кое-что вижу и понимаю... И откуда взяться шутке, если мы сами не пошутим! — дружелюбно заявила Смерть.

И побрели три старых шутника по дороге, что вела на гору. Новые лапти Яагуа поблескивали в лучах вечернего солнца — ведь путь был не ближний, не в старых же лаптях отправляться в такой путь.

Якоб Кырв (1848-1916)

Подводные жители

Однажды в давние времена ехал мужик с маленьким сыном по льду озера. А озеро только-только замерзло. Едва выехали они на середину, как лед затрещал, а мужик и мальчик вместе с лошастью и санями провалились под лед. Встречает их там сердитый седой старик и говорит:

— Раз попал сюда по своей же вине, то навсегда здесь и останешься. Дам тебе серую лошадь и сани с золотыми полозьями. Будешь у меня каждую осень ездить по молодому льду вниз головой да позвонче греметь санями, чтоб какой-нибудь глупец из Верхнего мира не проломил нежную крышу моего подводного царства. А сына твоего отпущу с лошастью в Верхний мир. Они ведь не по своей воле сюда попали, а по твоей глупости.

Сказал это Водяной, посадил мальчика в сани, схватил вожжи, и в тот же миг сани очутились на льду. Водяной велел мальчику домой ехать. И еще сказал:

— Смотри, из саней ничего не вырони. И об отце не печалься. Под водой у нас красиво, жизнь тут легкая, и богатства всякого видимо-невидимо.

Мальчик весь дрожал от холода и страха — с тулупа вода текла. Не до разговоров было малышу. Доехал он поскорей до своего дома и только тут заметил в санях два больших куска льда. Мальчик очень устал, но все-таки решил выбросить льдины. Сбросил их у самого крыльца, но они не раскололись, а как были, так и остались. Удивился мальчик, подошел посмотреть на них и видит, что это чистое серебро.

Вырос мальчик. Зажил богато и счастливо. Но каждый год, когда озеро замерзало, он выходил на

берег: все хотел увидеть своего любимого отца. Но не сбывалось его желание. Только лед иногда трещал и ломался у самого берега — будто и отец знал о тоске сына и рвался к нему.

Прошло много лет. Мальчик стал стариком и весь поседел. Однажды ходил он по берегу озера во время ледостава и думал о своем отце. Никогда ему еще не было так тоскливо. Прижал он руки к сердцу и сел на камень возле устья реки. По щекам его катились крупные слезы. Вдруг поднял глаза и видит: в самом устье реки стоят серебряные ворота с золотым плетением. Встал он с камня, подошел к воротам и тронул их. Ворота легко открылись. Старик постоял немного, подумал и решил идти дальше. Доходит он до сумрачной железной улицы, а на ней — опять такие же ворота. Только гораздо больше первых. Перед воротами стоит карлик — в большой каменной шапке на голове, в железном кафтане, подпоясанном медным кушаком. А в руках у карлика саженный медный топор.

— Вижу, хочешь своего отца повидать, — спросил он приветливо гостя.

— Да, голубчик, — ответил старик. — Не проводишь ли меня к нему? Хотелось бы на старости лет с родителем свидеться. Одолела меня тоска.

— Обещать не могу, — сказал карлик, — родитель твой занят: слышишь, как ездит на серой лошади в золотых санях по нежной серебряной крыше нашего царства, чтобы кто-нибудь ненароком не проломил крышу, пока она еще не окрепла? Но раз уж ты у нас в гостях, раз уж ты осмелился прийти сюда, покажу тебе дома и дворцы подводного царства. Сейчас в домах никого нет, все разбрелись кто куда, и мы без помех осмотрим хоромы и внутри и снаружи.

Карлик прикоснулся пальцем к воротам, и они тут же открылись. Затем ввел он старика в большой стеклянный дворец. Здесь не было так безлюдно, как

только что говорил карлик. Здесь были мужчины и женщины, подростки и дети. Кто стоял, кто ходил, кто занимался своим делом, а другие о чем-то беседовали, шутили, смеялись. И никто не взглянул на вошедших, не сказал им ни словечка. Карлик дал старику осмотреться и повел его дальше. Вся утварь здесь была из чистого золота и серебра, высокий потолок был из сверкающего стекла, а пол из яркой меди. Чем дальше они шли, тем все ярче и ослепительнее становилось вокруг. Зданию и конца не было. От ослепительного света у старика закружилась голова, и он захотел выйти на улицу.

Карлик сразу же вывел его и сказал:

— Хорошо, что ты вовремя спохватился. Еще не такое увидишь. В другом нашем дворце все так горит и сверкает, что вам, людям из Верхнего мира, и смотреть не под силу. Там живет наш всесильный король со своей щедрой королевой, а вместе с ними — другие могучие владыки нашего подводного царства.

Старик набрался храбрости и спросил карлика:

— Ты сказал, будто все сейчас ушли из дому, а кто же эти люди, что ходят здесь, как тени? Старики все о чем-то говорят, молодые веселятся, дети играют. Разве это не ваши люди?

— Не совсем они наши, — ответил карлик. — Люди эти из Верхнего мира. Пришли они сюда в разное время, кто когда. Жить им тут хорошо. Никто не хочет уходить назад, в Верхний мир, да их и не отпустили бы: кто уж попадет в наши хоромы, тот навсегда в них и остается.

— И я тут останусь? — с испугом спросил старик, хоть и сам не знал, чего ему бояться.

— А разве тебе наш дом не по душе? Но ты не бойся. Сегодня ты можешь уйти, если захочешь. Как я тебя привел сюда, так и уведу. Но никогда еще смертные не уходили от нас в Верхний мир.

— Значит, отца я так и не увижу? — сказал старик, и на глазах у него навернулись слезы.

— Сейчас — нет. Приходи сюда недели через три, когда лед окрепнет. К тому времени он освободится и сможет весь год жить вместе со всеми в свое удовольствие. А потом опять больше месяца будет ездить подо льдом.

— И так на веки вечные? Каждый год ездить и снова вспоминать о своем несчастье? — грустно спросил старик. Карлик на это ответил:

— А что поделаешь? Твой отец должен ездить под осенним льдом до тех пор, пока другой ротозей из Верхнего мира не испортит хрупкую крышу нашего царства и не провалится в воду. Тогда мы новичка пошлем ездить по тонкому льду, а твоего отца освободим от этого дела.

Разговаривая, старик и карлик незаметно подошли к воротам. Здесь они посмотрели друг на друга, и карлик понял, чего хотел старик. Дружески улыбнулся ему, протянул две медные палочки и сказал:

— Если снова придешь к этим воротам и тут буду не я, а кто-то другой, тогда палочкой о палочку постучи. Я услышу, приду и выполню твое желание.

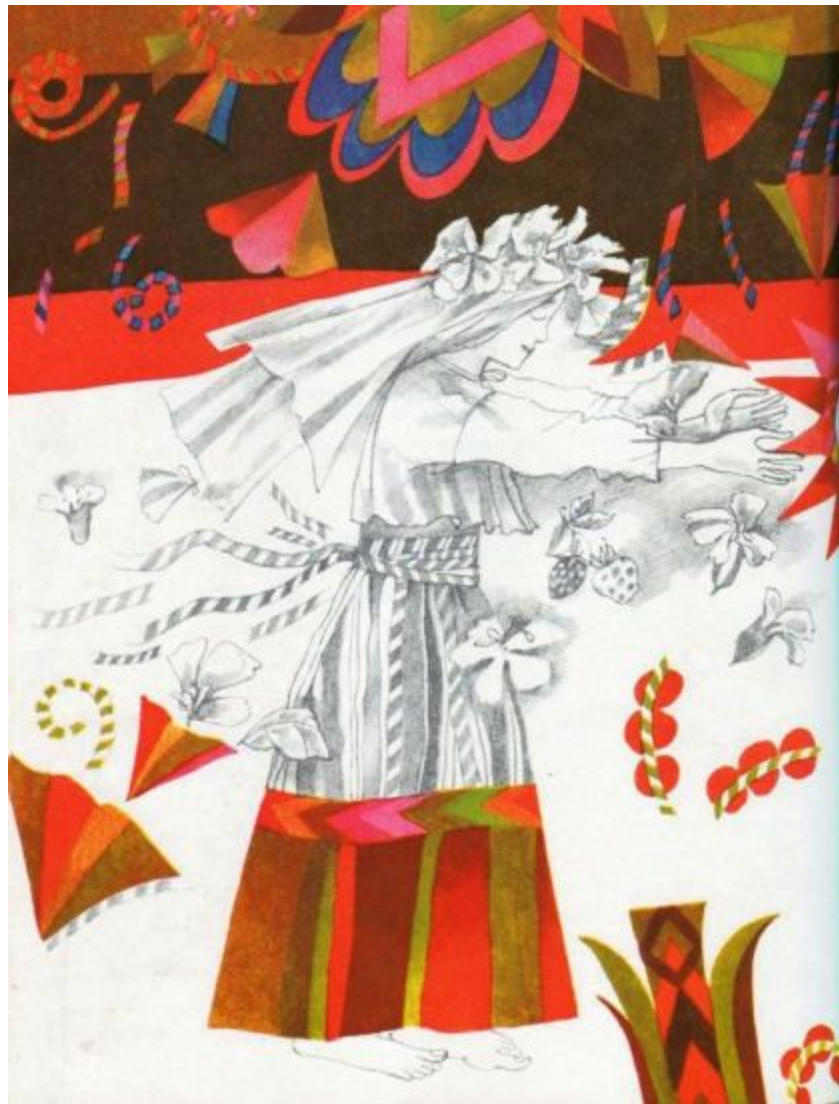
Он выпустил гостя через большие ворота на железную улицу и провел его к меньшим воротам. Открыл их, и старик снова очутился на берегу озера, возле того камня, на котором сидел. Ворота исчезли, но медные палочки остались. «Значит, все, что было, — правда», — решил старик, сунул волшебные палочки за пазуху и пошел домой как в полусне. С тех пор нигде он не мог найти покоя и ничто его уже не радовало. Три недели ходил он к устью реки изо дня в день и сидел, как во сне, на камне, пока наконец не исчез, будто сквозь землю провалился. И больше никто его с тех пор не видел.

IV

Наши предки пытались найти объяснение жизненным явлениям, отправлялись на поиски истины, порой находили крупинцы ее, однако часто смешивали истину с вымыслом.

Все верования нашего народа свидетельствуют о его поэтическом складе. Мировоззрение народа говорит о высоком полете его фантазии. Под влиянием силы поэзии разум, неотделимый от мира фантазии, считает все поэтические образы продуктом реального мира и живет в соответствии с этим представлением.

Маттиас Йоганн Эйзен

Аугуст Якобсон

Три сорванца деда-мороза

Как-то весенним вечером в баньку бобыля зашел чужой человек и попросил:

— Люди добрые, пустите путника переночевать. Я проделал немалый путь и смертельно устал.

Бобыль спросил:

— Сколько же ты прошел и из каких ты краев?

Прохожий ответил:

— Я пришел из северных краев, а сам я сын деда-мороза. Ты наверное видел, как иногда по вечерам в небе светится северное сияние?

— Видеть-то видел, как можно не заметить северного сияния! Так, значит, на твоём Севере его и устраивают?

— Правильно, хозяин, именно там его и устраивают.

— А куда же ты теперь направляешься?

— Да пока еще точно не знаю, — сказал гость. — Вышло, что я упустил подходящее время — ведь весна нынче ранняя, везде уже тепло — и у вас тут да и в наших краях, потому-то я и не успел закончить все свои дела. Теперь приходится спешить. Ну, так как же все-таки? Пустишь переночевать?

— Еще никогда не бывало, чтобы я отказал путнику в ночлеге, — сказал бобыль, пригласил путника к себе и предложил лечь спать на печке.

Путник вежливо поблагодарил хозяина и залез на горячую печку, а старый бобыль улегся в каморке.

Утром, когда хозяин вышел в баньку, там было настолько холодно, что в углах белел иней, а с потолка свисали длинные сосульки. Бобыль сразу озяб, по телу побежали мурашки, а зубы застучали от холода. Он быстро вернулся в каморку, надел овчинный жилет и

шубу, обул шерстяные носки и валенки и, потихоньку от старухи, выпил стакан перцовой настойки — только после этого ему удалось согреться.

Возвратясь в избу, хозяин изумился, увидя, что путник сбросил с себя даже тонкую рубашку и сидел совершенно голый на ледяной глыбе, которая под ним образовалась.

Наш бобыль вообще-то был не из робкого десятка, но тут он принялся громко кричать:

— Послушай, приятель, вставай-ка поскорее и оденься потеплее! Глянь-ка, за ночь так похолодало, что в избе все трещит от мороза. За дверь я еще не успел выглянуть, но, думаю, там должна быть лютая стужа.

Путник сердито нахмурил брови.

— Не болтай ерунду, дяденька! У меня до сих пор голова трещит от жары, которую ты мне здесь на печке устроил. Всю ночь ворочался с бока на бок, только под утро кое-как уснул. На кой черт ты свою печку так сильно топишь, что она у тебя прямо раскаленная?

— Не смейся над старшими! — рассердился бобыль. — В волчьем логове и то теплее, чем сейчас в моем жилье!

Путник натянул через голову рубашку и захохотал так оглушительно, словно громадные голубоватые льдины с треском налетели друг на друга.

— Иди ты со своей болтовней о волчьем логове! Здесь прекрасно можно жить и без рубашки, а вот по-настоящему выспаться в такой духоте и впрямь невозможно.

Говоря это, путник оделся, слез с печки, уселся за стол и с аппетитом принялся за лепешки и молоко. А бобыль тем временем вышел во двор и остолбенел от ужаса: за ночь от мороза все кругом потускнело и поблекло, листья на деревьях завяли и свернулись,

всходы на клочке его земли почернели, словно обуглились, и толстый слой инея покрывал землю.

Бобыль понуро побрел домой и решил поговорить с гостем о случившемся, спросить его совета.

Но путника уже и след простыл. О нем напоминали только оставшиеся на столе заиндевевшие лепешки и замерзшие капли молока.

— Гм-гм, исчез как вор, даже доброго слова не сказал за ночлег, за хлеб-соль, — сердито проворчал бобыль. — Черт бы побрал эту молодежь. Они и понятия не имеют о вежливости или о том, что за доброе дело следует «спасибо» сказать!

Прошло несколько недель. И вот как-то вечером в дверь баньки снова постучали, только на этот раз так сильно, что потолочные балки заскрипели.

— Кто это там ломится в мое жилище? — громко спросил бобыль.

Но голос, отвечавший ему из-за двери, был еще громче. И этот громкий голос загрохотал, как скалы во время обвала:

— Открывай, хозяин! Я пришел издалека и так устал, что шагу ступить не могу — к тому же несколько бессонных ночей меня совсем доконали.

— Ну, а тебе от меня что надо? Здесь не корчма и не постоянный двор, мы и так живем, как селедки в бочке! — проговорил бобыль.

— Ну, ничего, хороших баранов в хлев много помещается. К тому же я маленького роста и человек нетребовательный — главное, чтобы крыша над головой была, а то под открытым небом полная луна покоя не дает! — ответил прохожий.

Бобыль впустил позднего гостя в избу, предложил присесть, спросил:

— Из каких ты краев будешь?

Путник махнул рукой, весело засмеялся и сказал:

— По правде говоря, не из дальних и не из ближних. Я средний сын хозяина Севера. Оттуда, где светится северное сияние. Тебе, небось, не раз приходилось его видеть.

— Как же, приходилось, еще бы не приходилось видеть, как северное сияние небо освещает! Может, ты брат того мужика, который недавно у меня ночевал, как раз когда ночной заморозок нас всех разорил? — спросил бобыль.

— Это верно. Мой младший брат и впрямь несколько недель тому назад пошел на работу, возможно, что именно он у тебя и побывал.

— А куда ты путь держишь? — спросил хозяин.

— Я еще и сам точно не знаю. Весна была теплая, ничего по-настоящему не удалось сделать, да ведь сам знаешь, как говорится: что сегодня не доделал, завтра все придется сделать. Я тебе сказал, что устал как собака. Отвечай, прошу,пустишь ли меня переночевать?

— Пущу, пущу! Куда же тебе идти, когда на улице густой туман и сильный ветер.

Хозяин пригласил гостя в избу и велел ложиться спать на печке, а сам вместе со своими старенькими родителями и с детьми отправился спать в каморку.

Когда хозяин утром вошел в баньку, там было так холодно, что бревна в стенах потрескались от мороза. Вода в кадке замерзла до дна. Лед образовался во всех углах, голубоватым льдом до самой трубы была полна даже печь.

Хозяин очень испугался. Он решил, что его гость в этой стуже обязательно должен был замерзнуть. Он сильно разволновался и громко крикнул:

— Приятель, эй, приятель!

— В чем дело, дяденька, ведь уж давно наступило утро и я уже не сплю, — ответил с печки хриплый,

знакомый со вчерашнего вечера голос. И гость принялся браниться, кряхтя и отдуваясь после каждого слова.

— Что у тебя тут за житье-бытье, прямо зло берет! Удивительно, что у меня еще душа в теле — эта жара совсем меня доконала. Всю ночь ворочался с боку на бок и пот с меня тек градом, только с минуту и удалось вздремнуть. Какого черта ты так раскаляешь свою избенку, хозяин?

Хозяин рассердился.

— Ага, по доброте душевной ты егопусти переночевать, а он еще издевается над тобой. Изба уже давно толком не топлена — где мне взять денег, чтобы дров купить! Мать-отец ворчат, что я, мол, хочу их до смерти простудить, а он тут не стыдится над моей бедностью насмеяться.

Гость снова засмеялся.

— Ну, не сердись, дядя! Выходит, где мне жарко, там тебе холодно, а когда тебе тепло, я потом истекаю.

При этих словах гость слез с печки, поставил на стол котомку с хлебом, уселся, поел досыта хлеба и ржаных лепешек, запивая их кислой сметаной и снятым молоком. Угостил и хозяина, а затем встал и сказал:

— Спасибо за ночлег. Правда, у тебя здесь жарко, как в настоящей бане, и от твоего пара у меня едва кожа не потрескалась, ну, да ладно — расстанемся друзьями.

Сказал, крепко пожал хозяину руку и, крупно шагая, исчез в березовой роще за холмом.

— Ну, этот парень был немного иной, чем тот, первый. Не поскупился на доброе слово, — пробормотал хозяин и взялся за свои дела.

Пришла зима, выпал снег. И однажды светлой морозной ночью снова постучали в дверь баньки — постучали так сильно, что сковорода на очаге подпрыгнула и у единственного стула отскочили ножки.

— Что за разбойник тут безобразничает? — спросил хозяин, и голос его прозвучал свирепо.

Но хотя он говорил очень громко, все же голос ответившего ему был в десять раз громче. И этот зычный голос проговорил сквозь смех:

— Не сердись, папаша, на бедного путника! Устал я, спать хочу, оттого и терпенье потерял. Не позволишь ли ты переночевать где-нибудь на чердаке?

— Одурел ты, что ли? На дворе бревна трескаются от мороза, а ты вздумал спать на чердаке. У нас в избе, правда, тесновато, но ты входи, входи к нам.

— Нет, спасибо, уж в баню я ни за что не пойду. На дворе сейчас так привольно и уютно, небо — что твой бархат, воздух — шелк.

Хозяин задумался и, наконец, спросил:

— Из каких ты краев?

— С Севера, с Севера. Я самый старший сын деда-мороза. Мы из тех краев, где полыхает северное сияние.

— А-а, — протянул хозяин. — С твоими братьями я уже знаком. Младший за ночлег даже «спасибо» не сказал, средний отломил кусочек лепешки, да при этом она так замерзла, что только к Иванову дню оттаяла и то после того, как я ее три недели над очагом грел. А куда же ты путь держишь?

— Путешествую — приходится следить, достаточно ли прочные мосты наведены на морях-озерах, на топях-болотах. Сам знаешь, какие теперь зимы, ручьи и ключи не замерзают невесть до каких пор.

— Это верно, нынешние зимы ничего не стоят! — кивнул хозяин. — Ну, если уж ты пришел с таким добрым намерением, то ночуй у меня где захочешь. И будь добр, не упusti из виду мосты на наших болотах. Вот уже несколько лет через эти топи-трясины не пробраться ни на вырубку, ни на покос ни одному пешему, не говоря уже о телегах.

— Буду иметь в виду, дяденька, не беспокойся, — ответил из-за двери зычный голос.

Старший сын деда-мороза улегся на сеновале, а хозяин забрался на печь, чтобы погреться, и приготовился ко сну.

Утром бобыль проснулся. Он продрог до того, что кости ломило от холода, и согрелся только тогда, когда не менее часа со всех ног побегал вокруг дома, взад и вперед по большой дороге. Когда, наконец, зубы перестали стучать от холода, полез он по лестнице, заглянул на сеновал — и не поверил своим глазам: гость, раздетый догола, храпел, лежа на сене, а вокруг него все было покрыто инеем, да таким толстым слоем, словно это было ворсистое одеяло, от одного взгляда на которое мурашки бежали по телу.

Услышав скрип лестничных перекладин, гость проснулся, сел и сказал, зевая:

— Ах, так это ты, дяденька! Прости, что я тут без штанов сплю. Но мне уже давно не приходилось так удобно и приятно отдыхать, как этой ночью у тебя в гостях.

Хозяин опять очень озяб, он подул на руки и стал переступать с ноги на ногу. И едва шевеля заочневшими губами, с трудом пробормотал:

— Н-но-о, неужели ты здесь не продрог?

— Иди ты, чудака-человек, разве ж это холод? Ты бы посмотрел когда-нибудь на моего отца, самого деда-мороза, когда он работает. Дунет раз — и олень замерзает на бегу! Дунет второй — целое стадо мгновенно превращается в ледяные глыбы и каждое животное застывает в таком положении, в каком его настигла стужа. Только вот стареет мой родитель, стареет! Зиму напролет рыскает без дела по тундре и Ледовитому океану и играет, как мальчишка, а летом отправляется на Северный полюс и сидит на нем, как

ворон на перевернутой бочке. И только к началу новой зимы топает обратно к дому.

Старший сын деда-мороза тут же у дверки чердака, свесив ноги и болтая ими, поел досыта, закинул за спину котомку, поблагодарил за ночлег и собрался в путь. Но в воротах он, словно что-то вспомнив, остановился и весело сказал:

— Вот, голова садовая! Чуть было не ушел, не оставив тебе ничего на память в знак благодарности, чуть было не уподобился моим младшим братьям! — Он снял котомку, отыскал на дне два мешочка, протянул их хозяину и добавил: — Пусть эти забавные штуки послужат тебе вознаграждением за твое замерзшее поле и за то, что ты меня и моих братьев так радушно принял под свой кров. В клетчатом мешочке — тепло, в полосатом — холод. Когда захочешь — немного приоткрой нужный мешочек. Но если ты его совсем откроешь, то напустишь такого холода или такой жары, что только держись.

Сказал и исчез в березовой роще.

Хозяину не терпелось испытать могущество и силу двух мешочков. Он вошел в избу и чуть-чуть приоткрыл клетчатый мешочек. И в ту же минуту весь дом наполнился таким приятным теплом, что он скинул с себя теплый жилет, сняли теплые кофты его отец и мать и даже дети.

С того времени жизнь бедняка-бобыля стала гораздо лучше, чем была раньше. Клочок его земли — как и у всякого бобыля — был в низине, у самого болота, и весной и осенью поле губили заморозки. Теперь же он

стал властителем любых заморозков: каждый вечер, захватив с собой клетчатый мешочек, он обходил свое поле и выпускал из него столько тепла, что хлеба у него прекрасно росли и вызревали, независимо от погоды.

Видя это, его соседи изумленно таращили глаза. Но когда бедняк как-то устроил на своем поле небывало раннюю весну, наиболее завистливые соседи просто заохали и заскрежетали зубами.

В конце концов вся округа стала интересоваться, почему на поле бобыля снег тает раньше, чем на других полях, и почему у него всегда так тепло. Сам ли бобыль проболтался или его родители не сумели удержать язык за зубами — кто знает, — однако вся эта история стала известна: так, мол, и так, у бобыля есть волшебный мешок, с помощью которого он сам делает на своем поле погоду.

О волшебном, излучающем тепло мешке наконец прослышал и местный барин, на земле которого стояла избенка бобыля. И этот жадный барин тотчас позвал к себе бобыля и спросил:

— Правду ли говорят в народе, что у тебя есть такой чудесный мешочек, который позволяет тебе без божьей помощи устанавливать теплую погоду?

Хозяин не стал скрывать правду, поклонился и ответил:

— Есть, добрый барин, есть.

— Так! Земли едва хватает, чтобы на ней лягушка могла как следует потянуться, а завел себе такую помещичью утварь! Моим полям нужен такой мешок, а вовсе не твоим. Завтра же пришлю к тебе слугу, отдашь ему мешок, мне самому неохота тратить время на такие пустяки.

Но бобыль и не думал отдавать свой драгоценный мешочек. На следующий день, когда барский слуга явился к нему, он встретил его такой жарой, что у того от бороды и усов паленым запахло.

Тогда сам барин примчался в карете и еще издали, привстав, прокричал:

— Ах, ты вот какие шутки задумал надо мной шутить? Опалил усы у моего лучшего слуги! Убирайся из избенки, это мое имущество!

— Уйду, уйду, барин-батюшка, — ответил бобыль.

Но сам и не думал уходить из своей баньки, а только забежал в каморку. Забежал в каморку, снял с крючка полосатый мешочек с холодом, пробрался на цыпочках за угол и выпустил на барина такую лютую стужу, что у того слюна во рту превратилась в кусок льда и барин так и остался с открытым ртом.

Барин прямо оцепенел от страха и стегнул лошадь. Стегнул лошадь и, так и не закрыв рта, исчез в облаке пыли, поднятой каретой. И больше он ни разу не отважился угрожать жителям бобыльской избенки: бог, мол, их знает, как они тебя встретят — опалят ли зноем или заморозят.

А бобыль на своем клочке земли, на краю болота, до самой смерти устраивал подходящую погоду.

Маттиас Йоганн Эйзен

Волшебные узлы

Как-то раз рыбаки с большой земли отправились к острову Хийумаа ловить рыбу. Дул попутный ветер, и они вскоре добрались до места.

Ловили они долго, наловили много и стали подумывать о возвращении домой.

Повернули лодки и принялись грести в сторону дома. Тут вдруг на море поднялся сильный встречный ветер и стало рыбаков обратно к Хийумаа относить. Ветер все дул и дул и никак не стихал.

Пристали рыбаки к острову и видят — избушка стоит. В избушке той старик жил.

Стали рыбаки проситься к старику на ночлег.

А старик спрашивает:

— Откуда прибыли и куда путь держите?

Рыбаки отвечают:

— Мы с большой земли. Ловили у берегов Хийумаа рыбу. Только обратно поплыли, как поднялся встречный ветер и погнал нас снова к острову. Ветер еще и сейчас такой сильный, что до дому нам не добраться.

Старик и говорит:

— Могу вам помочь, если пообещаете слово сдержать.

Рыбаки отвечают:

— Слово мы сдержим, только помогите нам.

Снял старик с вешалки веревку длиной в три дюйма. На веревке той три узла. Дал ее рыбакам и говорит:

— Теперь идите и приготовьте лодки! Как приготовите, развяжите на веревке первый узел! Сразу поднимется попутный ветер и в мгновение ока вы окажетесь далеко отсюда. На полпути развяжите второй узел. А как на родной берег выберетесь, можете

третий узел развязать. Только смотрите, не развязывайте третий узел в море!

Взяли рыбаки веревку, поблагодарили старика, а рано утром отправились к морю.

Идут и рассуждают по дороге: не может быть, чтоб веревка длиной в три дюйма с тремя узлами помогла.

А самый молодой рыбак и говорит:

— Видать, старик этот — мудрый старик. Наверное, так оно и есть, как он сказал.

Решили мужики все же испытать силу узлов. Спустили лодки на воду и развязали первый узел.

Вот так чудо! Тут же подул сильный попутный ветер. Лодки с такой быстротой понеслись вперед, что волны за ними так и пенились.

На полпути развязали рыбаки второй узел. Лодки еще быстрее вперед полетели.

До дому уже рукой подать.

У самого берега решили рыбаки третий узел развязать.

Молодой рыбак стал их отговаривать:

— Погодите развязывать! Ведь старик с Хийумаа не велел развязывать третий узел до того, как мы на берег выйдем. Того и гляди, беда случится, если мы до времени развяжем.

Не послушались его старшие рыбаки: какая такая беда? Мы ведь почти у самого берега.

Развязали рыбаки третий узел.

Тотчас же поднялся сильный ветер и погнал их обратно к Хийумаа. Изо всех сил гребли рыбаки, а к берегу не приблизились.

От Хийумаа до родной земли они вмиг добрались, а тут до самого захода солнца гребли, прежде чем к берегу пристали, до которого и плыть то было всего ничего.

Пожалели тут рыбаки, что совета мудреца не послушались, да поздно было.

Юхан Кундер

Сирота и хозяйская дочь

Жила-была бедная сиротка. Пошла она однажды в баню. А в бане много старушек было, и все просили ее помочь. Она помогала всем, а сама помылась уж, когда все ушли. Только успела помыться, как вдруг слышит за стеной стук да звон, будто барская карета подъехала, и не одна, а несколько.

Надела она поскорей рубашку, приоткрыла дверь и в щелку глянула.

Видит — и впрямь стоит карета с четверкой жеребцов. Упряжь на жеребцах вся из серебра да золота: тряхнут кони гривой, и такая музыка начинается — не хуже, чем на свадьбе.

Вылезает из кареты черт, а за чертом — его жена, а за женой — три чертовых сына.

Осенила сиротка порог тайным знаменем и на полкѣ, где парятся, притаилась.

Дошел черт до порога и замер — тайное знамение не пускает. Но он уже углядел сиротку и говорит:

— Выходи, доченька, поедем!

— Не могу, — говорит сиротка, — платья нет!

— Будет тебе платье! Все будет, чего ни захочешь, только попроси!

Тут вылезла из угла мышка и пискнула сиротке:

— Проси одного, сестрица!

Поняла сиротка, что нельзя ей просить двух вещей сразу, и говорит:

— Нет у меня шелковой сорочки!

Жена черта крикнула:

— Кто из вас, сынки, самый быстрый?

Первый сын сказал:

— Я — как ветер!

Второй:

— Я — как вода!

А третий:

— Я — здесь и там!

Черт видит, что третий самый быстрый, и говорит:

Поспешай, не прохлаждайся,
Для себя же постарайся!
В жены девушку возьмешь,
Коль сорочку принесешь.

Сын вмиг исчез и вмиг вернулся — принес шелковую сорочку.

— Получай, — говорит сиротке черт. — Наденешь, и поедем.

— Не могу, — говорит сиротка. — Юбка нужна. Не простая, а золотая.

Черт опять:

Поспешай, не прохлаждайся,
Для себя же постарайся!
В жены девушку возьмешь,
Коли юбку принесешь.

Сын ветром слетал домой. Принес шитую золотом юбку.

— Получай! — говорит черт. — Наденешь и поедем.

— Проси одного, сестрица! — снова подсказала мышка в углу.

— Не могу, — говорит сиротка. — Нет у меня вышитого пояса.

Черт опять:

Поспешай, не прохлаждайся,
Для себя же постарайся!
В жены девушку возьмешь,
Коли пояс принесешь.

Сын умчался как ветер. И мигом вернулся с поясом.
— Получай, доченька, пояс, — говорит черт. —
Надевай и поедем.

А сиротка в ответ:
— Обуть нечего.

Принесли ей башмачки. Вроде бы и выходить
можно, но сиротка все привередничает — без конца то
одного, то другого просит.

Однако к полночи доставили ей уже все наряды, какие только бывают. И пришлось сиротке выйти из бани. Вышла она разодетая, как королева, вся серебром да золотом сияет.

Черт ее в карету усадить хочет. А сиротка опять капризничает:

— Сесть-то не на что!

Черт в ответ:

Там из шелка покрывало,
Там пуховиков немало!

— Не привыкла я сидеть на шелках да на пуховиках, постелите в карету сена! — говорит сиротка.

— Ну, сынок, — говорит черт, — дело плохо. Эстонцы свои стога кольцом обносят, чтоб нам, чертям, не подобраться. Придется тебе в Латвию слетать.

Сын ветром помчался, но путь все же был неблизкий. Только успел чертенок вернуться, как петух пропел, и старый черт вместе с женой и сыновьями, вместе с каретой и жеребцами мигом сгнули — будто сквозь землю провалились. И все золотые да серебряные наряды сиротке остались.

Утром увидела хозяйская дочь сироткины богатства. И сразу начала выпытывать, откуда они. Сиротка ей все рассказала.

Тогда на другую субботу хозяйская дочь позже всех в баню пошла. И нарочно еще замешкалась, чтоб одной остаться.

Вот загремела, зазвенела у порога карета с жеребцами. Старый черт зазывает девушку в карету. А та и говорит:

— Одеться не во что.

— Мы тебе всего принесем. Только скажи, чего надо.

— Проси одного, сестрица! — пискнула в углумышь.

— Ты, серая, не пищи! Помалкивай! — оборвала ее хозяйская дочь и пошла насчитывать:

Дай сорочку дорогую,
Дай мне юбку золотую,
Дай расшитый поясок,
Пару шелковых чулок
И венец серебряный!

Все за один раз назвала.

Старый черт обрадовался и говорит сыну:

Поспешай, не прохлаждайся,
Для себя же постарайся!
В жены девушку возьмешь,
Коли мигом принесешь
Ей и юбку золотую,
И сорочку дорогую,
Пару шелковых чулок,
И расшитый поясок,
И венец серебряный!

Мигом все это принесли, и пришлось хозяйской дочери сесть в чертову карету и поехать прямо в ад, где и стала она женой чертова сына.

Фридрих Рейнгольд Крейцвальд Сироткин жернов

Бедная девочка, у которой умерли родители, осталась одна на целом свете, словно беззащитный ягненок. Отдали ее на воспитание злым и бессердечным людям. Здесь единственным ее другом был хозяйский пес Крантс, с которым девочка иногда делилась корочкой хлеба. С утра до вечера приходилось сиротке вертеть тяжелый жернов, размалывая муку для хозяйки. Стоило девочке хоть на минуту остановить жернов, чтобы перевести дух, как хозяйка оказывалась тут как тут со своей дубинкой. К вечеру руки у бедняжки были точно деревянные, но никому до этого не было никакого дела. За тот кусочек хлеба, что дают сиротам из милости, они должны платить хозяевам потом и кровью. Один бог на небесах слышит жалобы сирот и считает слезы, которые катятся у них по щекам.

Однажды, когда девочка по обыкновению вертела тяжелый жернов, плача от обиды на злую хозяйку, которая оставила ее утром без еды, к дому подошел хромой одноглазый нищий в рваной одежде. Но на самом деле это был вовсе не нищий, а знаменитый финский мудрец, который оделся нищим, чтобы никто его не узнал. Присел он на порог, пристально поглядел на девочку, вертевшую жернов, затем достал из своей котомки кусочек хлеба и, протягивая его ребенку, сказал:

— Обед еще не скоро, возьми кусочек хлеба, он подкрепит тебя.

Сиротка принялась грызть сухую корку, которая показалась ей слаще булки, и сразу же почувствовала силу в руках.

— У тебя, бедняжки, поди, руки устают все время вертеть тяжелый камень? — спросил нищий.

Девочка недоверчиво взглянула на старика, словно хотела узнать, всерьез ли он спрашивает или насмехается. Но лицо у нищего было ласковое и серьезное. Поэтому девочка ответила:

— Кто сиротку пожалеет? Из-под ногтей у меня вечно течет кровь, а хозяйка еще и бьет меня, если я не успеваю намолоть столько муки, сколько она хочет.

Нищий велел девочке рассказать ему о своем житье-бытье. Когда сиротка кончила свой печальный рассказ, старик вынул из котомки старый платок, дал его девочке и сказал:

— Как будешь ложиться спать, повяжи этот платок вокруг головы и скажи от всего сердца: «Сладкий сон, унеси меня далеко-далеко и помоги найти такой жернов, который сам муку мелет».

Девочка поблагодарила старика и спрятала платок за пазуху. А нищий отправился своей дорогой. Вечером, ложась спать, сиротка сделала все так, как научил ее старик: обвязала голову платком и со слезами произнесла заветные слова, хотя и не надеялась, что они сбудутся. Зато в этот вечер девочка заснула с легким сердцем. Едва она закрыла глаза, как к ней явился удивительный сон. Он унес сиротку в дальние края, где с нею приключилось немало чудес. В конце концов она очутилась в глубоком подземелье. Может быть, это была и преисподняя — так здесь все было жутко и странно. Ворота, ведущие в подземелье, были открыты настежь, а вокруг — ни единого живого существа. Девочка пошла дальше и вдруг слышит шум, точно где-то работает огромный жернов. Робкими шагами направилась она в ту сторону и вскоре увидела амбар, а в нем большой ларь, из которого слышался гул камней. Ларь был так тяжел, что девочке не под силу было ни поднять его, ни сдвинуть с места. Пройдя еще

чуть-чуть, она увидела конюшню, там у кормушки стоял белый конь. Внезапно девочке пришла в голову хорошая мысль: вывести лошадь из конюшни, впрячь ее в сундук и увезти его. Девочка так и сделала: привязала лошадь веревками к ларю, сама уселась на крышку и, погоняя коня длинной хворостиной, понеслась к дому.

Проснувшись на другое утро, девочка вспомнила чудесный сон. Ей казалось, что все это произошло с ней наяву и что она и впрямь приехала домой на крышке ларя. Огляделась она вокруг и видит — ларь подле кровати стоит. Вскочила девочка с постели, взяла мешочек ячменя, который не успела вечером смолоть, высыпала зерна в отверстие на крышке ларя и — вот чудо! — камни тотчас же пришли в движение! Вскоре в мешке оказалась готовая мука.

Для сиротки настали счастливые времена. Волшебный жернов в ларе перемалывал все, сколько ему ни дай, и у девочки только и было работы, что сыпать зерно да выгребать из ларя готовую муку. Крышку ящика она никогда не открывала — старый нищий строго-настрого запретил это делать, сказав: «За это ты поплатишься жизнью».

Вскоре хозяйка догадалась, что молоть зерно сиротке помогает волшебный жернов, и стала думать, как бы выгнать девочку из дому, а вместо нее заставить работать ларь, — ведь его не надо было ни кормить, ни поить. Но сперва хозяйке хотелось разузнать, что лежит в ящике и где скрывается чудесный мельник. Любопытство не давало женщине покоя ни днем, ни ночью. Ей хотелось во что бы то ни стало разгадать тайну ларя.

Однажды воскресным утром хитрая женщина велела сиротке собираться в церковь, сказав, что сама управится по хозяйству. Девочка удивилась — так ласково хозяйка с ней никогда еще не разговаривала, —

однако с радостью надела чистую сорочку, лучшее из своих стареньких платьев и побежала.

Хозяйка стояла на пороге и смотрела вслед девочке, пока та не скрылась из виду. Потом принесла из амбара мешочек зерна и высыпала его на крышку ларя, думая, что ларь сразу начнет молоть. А ларь и не думал молоть. Лишь когда горсть зерна попала в отверстие крышки, камни завертелись. С превеликим трудом женщине удалось приподнять тяжелую крышку. Наконец щель расширилась настолько, что женщина смогла заглянуть внутрь. Да вот несчастье! — из ларя вдруг вырвался сноп огня, и хозяйка запылала, словно клочок пакли. Осталась от нее вскоре лишь горсть пепла.

Когда через несколько лет овдовевший хозяин захотел снова жениться, он подумал о том, что сиротка стала уже взрослой девушкой, и за невестой далеко ходить не надо. Свадьбу сыграли скромно и тихо. Соседи вечером разъехались по домам, отправились спать и молодые. На другое утро, войдя в амбар, молодая хозяйка увидела, что ящик с жерновом исчез и никаких следов вора нигде не осталось. Сколько ни искали ящик, сколько ни расспрашивали, не попадался ли он кому на глаза, — так по сей день ничего и не узнали. Сон принес из-под земли волшебный ларь с жерновом, сон его, видимо, чудесным образом и обратно унес.

Аугуст Якобсон

Солнце, луна и звезды

В древние времена небо было так низко над землей, что человек высокого роста мог дотянуться до него и погладить рукой.

Однажды дети портного вышли погулять, забрались на большой валун и воскликнули:

— Ого, теперь мы тоже можем дотронуться до неба. Давайте проткнем в нем большие дырки, посмотрим, что там наверху делает Старик и другие великие и могущественные!

И дети портного принялись пальцами протыкать в небе дырки, чтобы можно было заглянуть в них.

Старик увидел это и сказал своему слуге:

— Яан, а Яан! Посмотри-ка, что они делают! До чего же несносные эти дети, выпороть бы их надо за такие шалости! Продырявят весь небесный свод — разве это дело? Не знаю, что и предпринять, чтобы они больше так не безобразничали.

Слуга был расторопный и смысленый парень, подумал дня три-четыре, так что голова загудела и, наконец, сказал:

— Дело это совсем не такое сложное — надо поднять небосвод повыше.

Старик в свою очередь поразмышлял недельку-другую, успокоился, махнул рукой и сказал:

— Кто его знает, нужно ли это, Яан. Конечно, это шалость, но ведь дети есть дети, им хочется посмотреть, что мы тут делаем и узнать, как в мире порядок поддерживается.

— Ну да, это верно, дети есть дети... — кивнул слуга Яан.

Так на этот раз и не стали поднимать небосвод повыше.

Однажды портному понадобилось поставить на свои штаны большую заплату. От постоянного сидения со скрещенными ногами штаны совсем протерлись. Портной собрал все свои копейки, соскреб все гроши — все равно не хватало. Взял он с горя ножницы, отправился в ольховую рощу и, убедившись, что никого поблизости нет, вырезал из небосвода подходящий круглый кусок.

Но тут приключилась беда и у жены портного — шершавая, нетесаная скамья в церкви совсем протерла ее воскресную юбку. И она тоже вырезала из небосвода на заплатку порядочный кусок.

На следующее утро Старик увидел, что за ночь произошло, покачал головой и сказал слуге:

— Теперь, Яан, нам и впрямь придется последовать твоему совету! Спустишь-ка на землю, подсоби оттуда, а я потяну сверху, поднимем небосвод так высоко, чтобы до него было не дотянуться.

Так они и сделали. Подняли небосвод настолько высоко, что никому теперь было до него не достать, и решили залатать дырки. Но у них не оказалось под рукой небесно-синей ткани, так и появились на небе

солнце, луна и звезды, совсем другого цвета, чем весь небосвод.

Фридрих Роберт Фельман

Вечерняя заря и рассвет

Недолга счастливая пора коротких ночей, песен и обилия цветов — награда жителям нашей северной страны за тяготы суровой зимы. Во время пышного расцвета природы в этом северном краю, когда Рассвет и Вечерняя заря протягивают друг другу руки, один старичок рассказал собравшимся вокруг него детям историю любви Рассвета и Вечерней зари, а я в свою очередь поведаю вам, что мне довелось там услышать.

Знакомо ли тебе Светило, что живет в чертогах Дедушки? Сейчас оно как раз отправилось на отдых и там, где оно погасло, на небе продолжает гореть его отблеск, но луч света уже движется дальше на восток, где вскоре снова засверкает в полную силу, приветствуя все окружающее. Знаешь ли ты руку, которая тянется к солнцу и ведет его отдыхать после того, как оно завершит свой путь по небосводу? Знаешь ли ты руку, которая вновь зажигает погасшее светило и отправляет его в новый путь по небу?

У дедушки есть двое верных слуг, им подарена вечная молодость и, когда Светило в первый вечер закончило свой путь по небу, он сказал Вечерней заре:

— Тебе, доченька, я вверяю заходящее солнце. Погаси его и спрячь огонь, чтобы оно не натворило беды. Когда же на следующее утро Солнце должно было вновь начать свой путь, он сказал Рассвету:

— Твое дело, сынок, зажечь Светило и собрать его в путь.

Рассвет и Вечерняя заря исправно выполняли свои обязанности, и не было дня, чтобы Светило не появлялось на небосклоне. Зимой, когда оно ходит поблизости от края неба, то вечером гаснет раньше, а

утром позднее начинает свой путь, весной же, когда оно будит цветы и птиц, и летом, когда льет свои горячие лучи на поля, чтобы созрело зерно, времени для отдыха у него остается совсем мало. В эту пору Вечерняя заря то и дело передает угасшее Светило Рассвету и он тут же зажигает его, пробуждая к новой жизни.

Когда настала прекрасная пора и зацвели и стали благоухать цветы, а птицы и люди заполнили песнями все пространство под небесами — они глубоко заглянули друг другу в карие глаза, и в тот момент, когда угасшее солнце переходило из рук Вечерней зари к Рассвету, сжали друг другу руки, и губы их соприкоснулись.

Однако око, которое никогда не дремлет, заметило, что случилось в тихую полночь, и на следующий день Дедушка позвал к себе Вечернюю зарю и Рассвет и сказал им:

— Я доволен, как вы выполняете свои обязанности, и хочу, чтобы вы были счастливы. Дайте друг другу руки и несите с этого дня свою службу вместе, как муж и жена.

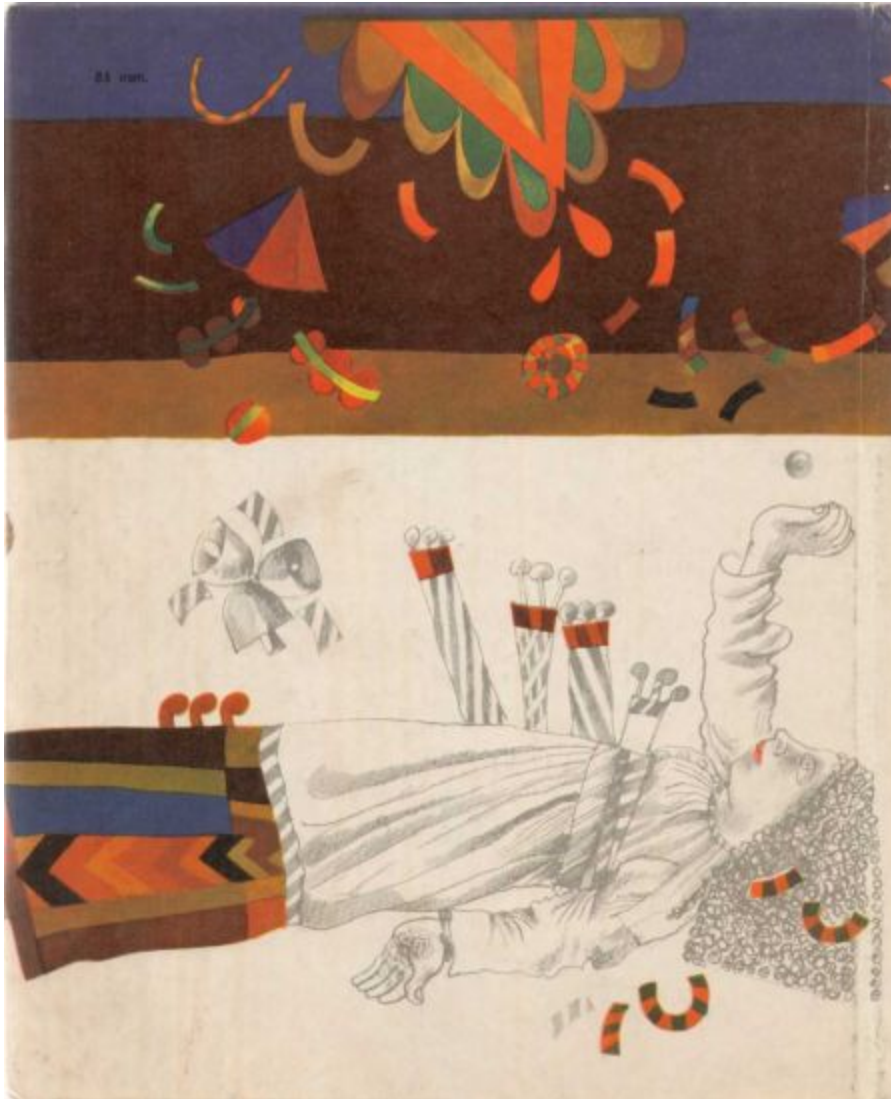
Ответили ему в один голос Рассвет и Вечерняя заря:

— Не губи наше счастье, Дедушка. Позволь нам навсегда остаться женихом и невестой, тогда любовь наша останется навсегда молодой и пылкой.

Выполнил Дедушка их просьбу, благословил остаться женихом и невестой. Только раз в году, в течение четырех недель, встречаются они глубокой ночью, и, когда Вечерняя заря передает угаснувшее солнце в руки своему возлюбленному, тот берет ее за руки и губы их соприкасаются. Щеки Вечерней зари начинают рдеть, бросая на небо розовый отсвет до тех пор, пока Рассвет вновь не зажжет Светило и золотое сияние с неба не возвестит о том, что встает Солнце. В честь их встречи Дедушка украшает луга самыми

прекрасными цветами, а соловьи шутиливо кричат
Вечерней заре, слишком долго покоящейся на груди
Рассвета:

— Ленивая девочка, ленивая девочка! Ночка-то
затянулась!

notes

Примечания

1

Алутага — местность в Эстонии, прилегающая к Чудскому озеру с севера.

«Старый хозяин» — одно из наименований черта в эстонских народных сказках. *(Прим. перев.)*